

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ *

(ФРАГМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ)

Член-корреспондент АН СССР В. Г. Трухановский

Когда началась первая мировая война, казалось, что судьба открывает перед Черчиллем блестящие перспективы и возможности. В 39 лет он уже был членом правительства одной из крупнейших держав мира, руководил сильнейшим в мире военно-морским флотом, его влияние в правительстве и в стране было весьма значительным. Премьер-министр Асквит благоволил к Черчиллю. Все это обещало, что в войне против Германии Черчилль сыграет видную роль. Не только друзья, но и враги Черчилля считали его одним из наиболее вероятных преемников Асквита на посту премьер-министра Англии. В то время никто не предполагал, что пройдет лишь десять месяцев — и Черчилль уберут из адмиралтейства, а еще через пять месяцев — и из военного кабинета, что он утратит власть и, когда в 1917 г. Ллойд Джордж, став премьер-министром, вернет Черчилля в правительство, его влияние на политические судьбы Англии уже не будет идти ни в какое сравнение с влиянием в 1914 году. Виной этому был сам Черчилль. Его легкомыслие, наивность, склонность к авантюризму в ответственных делах в сочетании с неимоверной заносчивостью и самоуверенностью везде создавали ему врагов, в том числе и среди министров, и в конце концов надолго прервали его политическую карьеру. У Черчилля удивительно уживались здравые суждения и весьма разумные решения с легкомысленными и авантюристическими поступками. Последними были особенно богаты полтора года, последовавшие за вступлением Англии в войну. Человек большого здравого смысла, он нагромождал, однако, в то время одно безрассудство на другое. Так, например, он здорово потешил всех своими действиями в Антверпене.

Отступление немцев с Марны сопровождалось их усилиями выйти на побережье Ла-Манша. Двигаясь к побережью, немецкие части 1 октября 1914 г. подошли к бельгийской крепости Антверпен и проникли за внешнюю линию ее фортов. Английское правительство обещало бельгийцам прислать подкрепления, которые должны были отбросить наступавшего противника от стен Антверпена. 2 октября Китченер и Эдвард Грей в отсутствие Асквита приняли предложение Черчилля о том, что ему следует немедленно отправиться в Антверпен и убедить бельгийцев не сдавать крепость. Черчилль срочно выехал с этим поручением и перебросил из Дюнкерка в Антверпен бригаду морской пехоты. Затем он добился присылки из Англии дополнительно еще двух бригад морской пехоты. Но они были плохо вооружены и еще хуже обучены. Крепость была обречена, ее скорое падение было неизбежным. Черчилль совершенно не понял сложившуюся обстановку и взял руководство обороной крепости в свои руки. Он энергично отдавал распоряжения и бельгийскому королю, и его министрам, и командирам солдат и матросов, находившихся в крепости. Голова у Черчилля пошла кругом. Он решил, что наконец-то судьба дает ему блестящий шанс снискать славу великого полководца. Образ первого герцога Мальборо опять начал маячить перед его глазами. Черчилль отправил телеграмму Асквиту, которая страшно удивила и развеселила премьер-министра. Он просил Асквита освободить его от должности военно-морского министра и присвоить ему воинское звание, которое позволило бы ему принять на себя командование в Антверпене. Черчилль заверял премьер-министра, что в этом случае сражение за Антверпен закончится успешно для союзников. Асквит 5 октября записал в своем дневнике, что он не удовлетворил просьбу Черчилля, указав, что его нельзя отпустить из адмиралтейства. Премьер-министр не собирался зачитывать телеграмму Черчилля членам кабинета, но, поскольку все стали спрашивать, когда же он вернется, Асквиту пришлось зачитать эту телеграмму. «Уинстон является отставным гусарским лейтенантом, — читаем в дневнике премьер-министра. — И если бы его просьба была принята, он оказался бы командиром, которому подчинялись бы два выдающихся генерал-майора, не говоря уже о бригадных генералах, полковниках и т. д.». Черчилль не согласился с решением Асквита (у него вообще было правило никогда не удовлетворяться отрицательным ответом) и продолжал настаивать, чтобы его назначили командующим в Антверпене. Кабинет не удовлетворил просьбу Черчилля и потребовал от него немедленно возвратиться в Лондон и заняться исполне-

* Продолжение. Начало см. «Вопросы истории», 1966, № 5.

нием своих прямых обязанностей. Интересно, что фельдмаршал Китченер склонен был пойти навстречу пожеланию Черчилля. Он готов был присвоить Черчиллю звание генерал-лейтенанта с тем, чтобы тот имел ранг более высокий, чем командиры, которые оказались бы у него в подчинении. Неясно, чем в данном случае руководствовался Китченер, который обладал огромным военным опытом и не мог не знать, что замысел Черчилля — чистейшая авантюра. Может быть, он не прочь был дать возможность Черчиллю сломать себе шею в Антверпене. В той обстановке претензии Черчилля могли закончиться тем, что он или сложил бы голову в сражении, или попал бы в плен к немцам, или был бы интернирован в Голландии. Первый исход — трагический, последние два варианта сделали бы Черчилля посмешищем в политических кругах Англии и Германии и поставили бы крест на его политической карьере. Вскоре Антверпен пал. Английские части, которые Черчилль доставил туда, понесли серьезные потери. Главный враг Черчилля среди консерваторов Бонар Лоу писал относительно антверпенской экспедиции, что она представляется ему «абсолютно глупым делом», предпринятым военно-морским министром, обладающим «совершенно неуравновешенным рассудком».

В то время Черчилль так и не понял неразумности своего замысла (правда, позднее он в этом убедился) — уж очень ему хотелось сделать блестящую военную карьеру. По возвращении в Англию у него состоялся разговор с Асквитом. Экстраординарный военно-морской министр забавлял Асквита. Длинные монологи Черчилля, в которых он всех поучал и всем давал советы, не исключая и премьер-министра, не очень нравились Асквиту, но на этот раз он слушал своего собеседника с интересом. Черчилль придал разговору конфиденциальный характер. Он просил не рассматривать его будущее так, как его рассматривают все другие. Отведая крови в течение нескольких последних дней, заявил Черчилль, он, как тигр, почувствовал желание отведать ее больше. Черчилль просил Асквита освободить его от занимаемого поста и поручить ему какое-либо военное командование. В военно-морской области, убеждал Черчилль, ничего важного не предстоит, ибо превосходство английского военно-морского флота над немецким будет расти из месяца в месяц, и потому его, Черчилля, можно было бы отпустить из адмиралтейства. «У него текли слюнки, — записывает Асквит, — при мысли о китченеровских армиях... Он заявил, что его политическая карьера ничто в сравнении с военной славой». Этот разговор рисует настоящую натуру Черчилля, жаждавшего славы и власти, готового добиваться их всеми средствами и склонного идти для достижения этих целей на весьма рискованные шаги. Трудно сказать, как Черчилль конкретно представлял себе развитие операций по удержанию Антверпена. Скорей всего у него не было никаких четких соображений по этот счет. Была лишь уверенность, что, получив командование на этом участке, он сможет в дальнейшем выдвинуться в ряды генералов, которые командовали крупными соединениями на Западном фронте. Если не допустить такого предположения, остается непонятным замысел Черчилля. Вскоре Черчилль бросился в новую авантюру, на этот раз более крупную и дорого обошедшуюся Англии.

В октябре 1914 г. в войну на стороне Германии вступила Турция. Союзники получили нового противника и новый фронт военных действий. Совершенно неожиданно для английских генералов и, конечно, для Черчилля война приняла затяжной характер. 2 января 1915 г. к английским военным руководителям обратился верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич с просьбой предпринять в районе Ближнего Востока какие-либо меры, чтобы отвлечь силы турок, оказывавших значительное давление на русские армии на Кавказе. Обсуждение этого вопроса в Лондоне привело в конце концов к решению, имевшему большие последствия. Китченер скептически относился к возможностям Англии в этой связи и писал Черчиллю, что, вероятно, придется ограничиться в течение ближайших нескольких месяцев лишь демонстрацией в районе Дарданелл. Черчилль же осенила идея, что его флот должен с боем прорваться через Дарданеллы, подойти к Константинополю и, если потребуется, бомбардировкой столицы заставить Турцию выйти из войны. Эта операция должна была, по мысли Черчилля, не только вывести из войны Турцию, но в конечном счете заставить самую Германию пойти на мир с союзниками. Мраморное море представлялось Черчиллю тем местом, где будет одержана решающая победа в первой мировой войне, а он сыграет главную роль в завоевании этой победы. Черчилль считал, что штурм и захват проливов могут быть осуществлены исключительно силами флота. В адмиралтействе же, и прежде всего у адмирала Фишера, были большие сомнения на этот счет. Адмиралы полагали, что решить эту задачу можно только комбинированными силами — кораблями флота и сухопутными войсками, которые должны были занять побережья проливов. Черчилль не хотел долго размышлять и добился решения предпринять операцию силами одного флота. «Так, — замечает официальный лейбористский историк войны Э. Хьюз, — благодаря преувеличенному воображению Черчилля, его невежеству в вопросах артиллерии и фатальной способности молодого энтузиаста убеждать старые и медленно работающие умы родилась на свет трагедия Галлиполи». Черчилль информировал о принятом решении военных руководителей России. Отсутствие в адмиралтействе единодушия по этому вопросу неминуемо должно было сказаться в самом ближайшем будущем. Адмирал Фишер — главная после Черчилля фигура в адмиралтействе — вскоре официально возразил против проведения операции в проливах без участия армии. Он намеревался подать в отставку,

но Китченер уговорил его не делать этого. В район Дарданеллы были направлены сухопутные войска, но и это не спасло задуманную Черчиллем операцию от провала. Фишер остался в адмиралтействе, и становившаяся все более упорной борьба между ним и Черчиллем продолжалась. Она привела к уходу их обоих из адмиралтейства. В конце 1915 г. Черчилль окончательно ушел и из правительства.

После вынужденного ухода из правительства Черчилль принимает удивившее многих решение, в котором сказались его характер и стремление любыми средствами двигаться вперед. Он направляется во Францию в действующую армию в звании майора. Более высокий чин ему пообещали, но пока не дали. Лорд Бивербрук вспоминает, как 18 ноября 1915 г. майор Черчилль, офицер Оксфордширского пехотного полка, отправлялся во Францию: «Все домашние и прислуга собрались провожать солдата — государственного деятеля, который стоял, опираясь на саблю. Вверху, на лестнице, плакал Эдди Марш, его верный секретарь... Еще выше леди Рандольф находилась в состоянии отчаяния от мысли о том, что ее блестящий сын направляется в окопы. Казалось, что госпожа Черчилль была единственной, оставшейся спокойной, собранной и деловой». Уход Черчилля на фронт, безусловно, свидетельствовал о силе его характера. Он ведь мог отсидеться в Лондоне. Однако шла война, люди делали историю, и Черчилль не хотел остаться в стороне. К тому же нужно было дать выход чувству страшной обиды, которую он испытывал в связи с несправедливым, как он полагал, освобождением его с поста министра военно-морского флота. Было бы неверным рассматривать уход Черчилля в действующую армию как непосредственное выражение патриотизма. Один из его весьма благожелательных биографов пишет, что Черчилль «теперь, когда политическая деятельность, казалось, была для него закрыта», пошел в окопы, воодушевляемый решимостью приобрести новые лавры, сделать военную карьеру. Черчилль не имел в виду тянуть лямку армейской службы на общих со всеми основаниях. Он жаждал славы и надеялся, что обретет ее на полях сражений. Другой его биограф замечает, что «в 1914 г., в момент начала первой мировой войны, Черчилль был подающим надежды Наполеоном». «Новый Наполеон», как можно предположить, заранее подготовил свой уход в действующую армию. Главнокомандующий английским экспедиционным корпусом во Франции генерал Френч был близким другом Черчилля. Последний надеялся, что при содействии генерала можно будет быстро сделать блестящую военную карьеру. Когда Черчилль высиделся на французском побережье в Булони, там его уже ожидала личная машина главнокомандующего. Френч принял Черчилля с распростертыми объятиями, предложил роскошный обед и обращался с ним так, как будто бы тот все еще был членом военного кабинета. Когда главнокомандующий поинтересовался, что бы Черчилль хотел делать в армии, он услышал в ответ: «Все, что прикажут». Френч предложил Черчиллю командование бригадой. Это означало, что Черчилль получал звание бригадного генерала и должен был командовать соединением, насчитывающим до 4 тыс. человек. Он охотно принял предложение. Поскольку, однако, у него не было никакого опыта военной службы в условиях первой мировой войны, он справедливо рассудил, что ему следует хотя бы в течение месяца побыть на передовой в более скромном чине, после чего можно было принять бригаду. Черчилль высказал желание стажироваться в гвардейской дивизии. Его просьба была удовлетворена.

Гвардейцы встретили майора Черчилля неприязненно: в действующей армии очень сдержанно относились к политикам. Полковник, командовавший подразделением, в которое попал Черчилль, холодно заявил бывшему министру: «Я должен сказать вам, что с нами не консультировались относительно вашего назначения к нам». Положение Черчилля осложнялось тем, что армейские офицеры в своей массе были консервативно настроенными людьми и воспринимали его как либерала. Это увеличивало их недоброжелательное отношение к новому майору. Черчилль сделал все, чтобы сразу же хорошо зарекомендовать себя на военной службе. Его жизнерадостный характер, остроумие, кипучая энергия, а также безусловная личная храбрость вскоре помогли ему установить необходимый контакт с коллегами. Офицеры и солдаты наблюдали за Черчиллем с повышенным интересом: ведь до прихода в армию он был весьма популярной в Англии фигурой. Однажды любопытство, проявленное к нему со стороны его высокого начальника, спасло ему жизнь. Как-то Черчилль получил приказ явиться к командиру корпуса. Ему сообщили, что на перекрестке дорог, примерно в 5 км от места расположения батальона, его будет ожидать автомобиль, который доставит его в штаб корпуса. Основательно помесив грязь и наконец добравшись до условленного места, Черчилль никого там не обнаружил. Лишь через час явился связной офицер, который сообщил ему, что автомобиль по ошибке загнали в другое место, что теперь уже все равно поздно являться к генералу и что вообще это дело не важное, так как генерал просто хотел побеседовать с ним и посмотреть на него. Черчилль был взбешен, и его негодование нарастало по мере того, как он пробирался по грязи обратно на передовую. Там же его обрадовали, заявив, что он счастливый человек. Оказывается, вскоре после его ухода немецкий снаряд попал прямо в укрытие, где обычно находился Черчилль, и разрушил его до основания.

Но с назначением командиром бригады Черчиллю не повезло. В Лондоне у него было слишком много врагов. Они узнали, что Френч обещал отставному министру командование бригадой. Консерваторы в парламенте изобразили благородное возмущение тем, что высокий пост будет предоставлен по протекции и в связи с положе-

нием, которое Черчилль занимал ранее. В английской армии офицерские посты, во всяком случае, в то время, безусловно, предоставлялись прежде всего выходцам из знатных и богатых семей. Эти привилегии консерваторы всегда отстаивали, но в данном случае они стали нападать на Черчилля с «демократических» позиций. 16 декабря 1915 г. консерватор Хантер задал в парламенте вопрос заместителю военного министра, «действительно ли майору Уинстону Черчиллю было обещано командование пехотной бригадой; командовал ли этот офицер когда-либо пехотным батальоном и сколько недель он служит на фронте в должности пехотного офицера?». Заместитель министра ответил довольно иронически: «У меня нет сведений, и я не смог получить их, относительно того, что моему достопочтенному и храброму другу было обещано командование бригадой. Что касается второго пункта вопроса, то я проверил по справочникам и другим официальным источникам информации и установил, что мой достопочтенный и храбрый друг никогда не командовал пехотным батальоном. Военное министерство не располагает сведениями о перемещении майора достопочтенного Уинстона Черчилля за время после того, как он 19 ноября отправился во Францию. Если с этой даты и до сегодняшнего дня он служил в качестве пехотного офицера, то в ответ на последнюю часть вопроса я могу сказать, что эта служба составила примерно четыре недели». Палата общин разразилась смехом. На это, вероятно, и рассчитывал заместитель министра, ибо в противном случае он сформулировал бы свой ответ в другом тоне. Насмешки продолжались. Один из депутатов, обращаясь к заместителю военного министра и имея в виду слухи о том, что Черчилль получил бригаду, заявил: «Отдает ли достопочтенный господин себе отчет в том, что если это назначение будет произведено, то оно будет рассматриваться как крайне скандальное многими лицами внутри палаты общин и за ее пределами?» Нападки в палате общин на Черчилля отражали не только желание консерваторов лишить раз высмеять его. Консерваторы стремились сорвать его назначение на какой-либо значительный военный пост. Асквит, которого Черчилль сильно подвел провалившейся операцией в районе проливов, не хотел лишнего скандала, связанного с Черчиллем. Поэтому, когда генерал Френч во время очередного посещения Лондона заявил премьер-министру, что он намерен поручить Черчиллю командование бригадой, Асквит категорически возразил и потребовал, чтобы Френч не давал Черчиллю поста выше командира батальона. Френч был бессилен что-либо сделать для своего друга. Он знал, что военный кабинет недоволен им, и говорил в то время Черчиллю, что держится «на одном якоре». Действительно, не прошло и месяца, как Френча на посту главнокомандующего заменил генерал Дуглас Хейг. Френч просил Хейга дать Черчиллю бригаду, но получил категорический отказ. Новый главнокомандующий заявил, что если Черчилль хочет быть военным, он должен пройти всю лестницу военной службы, последовательно продвигаясь по всем ее ступеням. Черчиллю пришлось удовлетвориться званием подполковника. Он получил в свое распоряжение не бригаду, а пехотный батальон.

Это было страшным ударом по честолюбию Черчилля. Если он действительно ушел на фронт, строя наполеоновские замыслы, то Асквит и Хейг их окончательно разрушили. Должность батальонного командира в пехоте явно не обещала славы. Черчилль сам себя загнал в ловушку, а Асквит лишь захлопнул ее. Перед честолюбцем открылись две перспективы: или тянуть лямку рядового армейского офицера, что могло закончиться гибелью от немецкой пули, а в лучшем случае ранением; или же отказаться от армейской службы, вернуться в Англию и, используя связи и положение члена парламента, заняться политикой. Последний вариант связан был с большим позором, учитывая демонстративный уход Черчилля на фронт. Можно представить, как росла ненависть Черчилля по отношению к Асквиту, когда он поздней холодной осенью 1915 г. сидел во Франции, в грязных окопах на передовой. Пока, однако, ничего другого не оставалось, как продолжать служить в армии. В подразделении шотландских стрелков, куда был назначен Черчилль, встретили его так же недоброжелательно, как и месяц тому назад в гвардейском полку. Но вскоре Черчилль нашел там свое место. Собрав на другой день своих подчиненных офицеров, он заявил им: «Господа, объявляется война вшам». Черчилль прочел им подробную и весьма эрудированную лекцию о роли вшей в предшествовавших войнах и о том, как с ними бороться. Лекция понравилась, но еще больше понравилось, что знаменитый потомок герцога Мальборо первый и так запросто обратился к простым шотландским капитанам. Младшие офицеры энергично принялись щетками и раскаленными утюгами бороться с новым противником. Черчилль демонстрировал перед солдатами и офицерами неиссякаемую энергию, храбрость и презрение к опасности, заявляя своим товарищам: «Война — это игра, в которую надо играть с улыбкой на лице». Он всегда был в большой степени актер. Не обошлось без позерства и теперь. Подполковник придумал для себя костюм, который выделял его среди других офицеров. Это была смесь из английских и французских предметов военной одежды. Ему особенно нравилось ходить в светло-голубой французской каске. Непокойная натура Черчилля давала себя знать и в окопах. Зачастую по ночам он открывал на своем участке огонь. Немцы опасались, что это подготовка к очередной вылазке, и, в свою очередь, отвечали огнем. Возникла длительная перестрелка. Соседние батальоны это не устраивало, так как без нужды нервировало солдат и офицеров и мешало им отдыхать. Раздражала подобная активность и батальон самого Черчилля. Однажды во время такой перестрелки он спросил стоявшего поблизости солдата: «Неужели тебе не нравится война?» Биографы Черчилля

расписывают армейские похождения своего героя, не упуская случая подчеркнуть, что ему война очень нравилась. Но это — преувеличение. Черчиллю нравилась та война, в которой в его руках находилось бы верховное руководство военными действиями, но ему не нравилась война, в которой ему приходилось выполнять обязанности наравне с тысячами английских офицеров и сотнями тысяч английских солдат. Он хотел быть героем на войне, а положение рядового его не устраивало.

В марте 1916 г., пробыв на фронте в общей сложности около четырех месяцев, Черчилль пишет своему другу Бивербуку письмо, в котором рассказывает, что он подумывает об отъезде от военной службы и о возвращении в Англию. Разумеется, идея ухода из действующей армии мотивируется благородными и патриотическими соображениями. Черчилль пишет, что руководство войной со стороны английского правительства осуществляется неудовлетворительно и что он хочет принять участие в исправлении положения. Черчилль считал это вполне убедительным мотивом для ухода с фронта. «Другие люди,— замечает Э. Хьюз,— не могли выбраться с фронта так легко. Они также могли думать, что с большой пользой использовались бы своим ум и гений дома, но они не были Уинстонами Черчиллями». То, что не удалось бы многим другим, Черчиллю удается. В марте 1916 г. он отправляется в отпуск в Лондон, чтобы принять участие в заседаниях парламента. Он выступает в прениях по вопросу об ассигнованиях на военно-морской флот с большой, программной характером речью. Черчилль держался так, будто он был не пехотным майором, а ведущим членом правительства. Он поучал премьер-министра, как надо реорганизовать адмиралтейство и как дальше вести войну. Выступая таким образом, Черчилль явно предлагал правительству вернуть его с фронта и поручить ответственный пост по руководству войной. Именно так оценила его выступление английская печать. «Это была претензия на руководящую роль», «это была попытка вернуться в состав кабинета»,— писали газеты.

В то время нарастало недовольство в английских правящих кругах деятельностью премьер-министра Асквита. Плелись сложные интриги с целью устранить его от власти. Участники этих интриг, зная выдающиеся способности Черчилля как оратора и полемиста, а также его ненависть к премьер-министру, не прочь были привлечь его к борьбе против Асквита. Кое-кто из них направил Черчиллю письма во Францию, предлагая бросить военную службу, вернуться в палату общин и принять участие в оппозиции. Правда, основные силы оппозиции не обращались к нему с такими предложениями. Биографы упоминают имена лишь двух второразрядных политиков и одного журналиста, которые поддержали Черчилля в его идее вернуться к политической деятельности. Но ему и этого было достаточно, чтобы принять окончательное решение. Черчилль обратился к военному министру с просьбой отпустить его из армии. Министр оказался перед дилеммой: если он удовлетворит просьбу Черчилля, его могут обвинить в протектировании, если же отклонит,— скажут, что он побоялся критики, которой Черчилль мог бы подвергнуться в палате общин военное министерство. В конце концов министерство разрешило Черчиллю подать в отставку из армии, но при условии, что он больше не будет проситься на военную службу. Черчиллю это условие было принять очень легко: военной службой он был сыт по горло. В июне 1916 г. Черчилль окончательно вернулся в Лондон. Он жаждал включиться в активную политическую деятельность. Но обстановка не благоприятствовала его возвращению к власти. Общественное мнение было настроено против него, консерваторы по-прежнему относились к нему враждебно. Английские газеты выступали против того, чтобы Черчиллю было позволено принимать участие в руководстве государственными делами. «Уинстон Черчилль,— писал 16 ноября 1916 г. еженедельник «The World»,— несет ответственность за опереточную экспедицию в Антверпен, которая выставила английский народ на посмешище в глазах всего мира... Он ответствен за гибельную экспедицию в Дарданеллах... которая стоит в одном ряду с величайшими военными катастрофами нашего времени». Лишь в июле 1917 г. Ллойд Джордж, сменивший в 1916 г. Асквита на посту премьер-министра, включил Черчилля в правительство. Правда, он предложил ему не пост члена кабинета, а лишь портфель министра военного снаряжения. Это было немного, но и с этим назначением консерваторы согласились с большим трудом. На посту министра военного снаряжения Черчилль и встретил окончание первой мировой войны.



Вечером 11 ноября 1918 г., в день подписания перемирия с Германией, Черчилль обедал с премьер-министром Ллойд Джорджем в официальной резиденции последнего на Даунинг-стрит, 10. Лондонцы ликовали по поводу окончания войны. «С улицы,— вспоминает о том вечере Черчилль,— к нам доносились песни и радостные крики толпы». Однако собеседники были настроены мрачно. Вступив в войну, английское правительство рассчитывало получить возможность решать мировые проблемы по своему усмотрению. Ллойд Джордж ясно представлял, что для достижения этой цели «ему предстоят новые и, может быть, еще большие усилия. Мое собственное настроение,— пишет Черчилль,— было двойственным: с одной стороны, я боялся за будущее, с другой — хотел помочь разбитому врагу». Несмотря на то, что враги Англии были повержены, Черчилль считал, что «поставленная цель еще не достигнута, еще остались

иние враги; у победителей оспаривают власть новые силы, препятствующие справедливому решению мировых проблем». Под новыми силами Черчилль подразумевал Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России и революцию, охватившую ряд стран Европы. Черчилль, как и его собеседник Ллойд Джордж, считал, что революционное движение нужно «усмирить войной», то есть силой, что было делом весьма сложным и трудным. Английский народ устал от войны, и Черчилль понимал, что вряд ли английские солдаты захотят быть усмирителями революции. Поэтому военную силу для этой цели следовало искать где-то в другом месте. В воспоминаниях о первой мировой войне Черчилль рассказывает, что тогдашние государственные руководители Англии рассчитывали использовать для борьбы против развертывавшейся революции побежденную Германию. Черчилль и его единомышленники исходили из того, что «подчинить своей власти бывшую русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Покорить Россию... мы можем лишь с помощью Германии. Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России». Имелось в виду, что Германия «почти незаметно... перейдет от жестокой борьбы к естественному сотрудничеству со всеми нами»¹. Позднее, уже в 1920 г., Черчилль писал, что после окончания мировой войны его политика формулировалась следующим образом: «Мир с германским народом — война против большевиков». С необычайной легкостью он шел на союз с только что разбитым смертельным врагом Англии — Германией, чтобы вместе с ней вести войну против революционной России. Подобные резкие повороты вообще характерны для английской политики, а для Черчилля в особенности. Поворот, который пытался организовать Черчилль в 1918—1919 гг., он вновь постарается осуществить через четверть века, в конце второй мировой войны и после нее.

На выборах в парламент в декабре 1918 г. победила коалиция, состоявшая из консерваторов и либералов. Ллойд Джордж осуществил некоторые изменения в составе правительства, и Черчилль был назначен военным министром, причем ему было подчинено также авиационное министерство. Ллойд Джорджу, как пишет один из биографов Черчилля, «нужен был сильный человек, который железной рукой распутал бы проблему демобилизации». Ему на самом деле нужен был сильный человек, но для других целей — для того, чтобы вести войну против Советской России. Начальник имперского генерального штаба генерал Генри Уильсон, услышав о назначении Черчилля, записал в своем дневнике: «Вот так-так!» При встрече со своим новым шефом он ядовито спросил Черчилля: а почему под его начало не поставлено заодно уж и адмиралтейство? Биографы Черчилля сходятся на том, что отныне «Россия стала главным предметом забот Уинстона». Поскольку Ллойд Джордж в последующие месяцы был занят в основном делами проходившей в Париже мирной конференции, Черчилль, по существу, получил свободу рук для своих контрреволюционных авантюр. В английских правящих кругах не было человека, который более энергично, настойчиво и последовательно боролся бы против Советской России, чем Уинстон Черчилль.

Английские войска были направлены в Советскую Россию еще весной и летом 1918 г., то есть до окончания войны с Германией. Военно-морской флот оказывал им необходимую поддержку. Черчилль намеревался перебросить в Россию значительные дополнительные вооруженные силы, как только обстановка в Западной Европе позволит сделать это. Именно поэтому руководимое им военное министерство составило планы демобилизации армии с таким расчетом, чтобы максимально задержать сокращение вооруженных сил. Армия нужна была не только для борьбы против революции, но и для действий в обширной колониальной империи Англии, где угнетенные народы, разбуженные революционными событиями в России, поднялись на борьбу за свою национальную свободу. Попытки затянуть демобилизацию вызвали мгновенный отпор со стороны армии. Солдаты ответили восстаниями. Черчилль понял, что необходимо немедленно успокоить армию, пока революционная волна не захлестнула ее полностью. Он сделал ряд официальных заявлений, в которых пытался убедить солдат и общественное мнение, что задержка демобилизации не вызвана желанием направить войска в Россию для борьбы против большевиков. Это было, конечно, неправдой. Кроме того, английское правительство приняло меры для быстрого освобождения из армии солдат, которые прослужили сравнительно большой срок. Тем же, кто оставался, значительно повысили жалованье. События в армии лишний раз убедили Черчилля в необходимости переложить на другие страны основную тяжесть борьбы против Советской России.

В Париже в январе 1919 г. началась конференция, которая должна была выработать мирные договоры для Германии и ее союзников по первой мировой войне. Конференция сразу же превратилась в своеобразный штаб по организации интервенции в Советской России. Черчилль не принимал участия в работе конференции. Английскую делегацию в Париже возглавлял Ллойд Джордж, а Черчилль оставался в Лондоне, где английское правительство при его активнейшем участии принимало энергичные меры для оказания помощи Колчаку и Деникину и другим контрреволюционным силам с целью организовать весной 1919 г. мощное наступление против Советской России. Возглавляя военное министерство, Черчилль сосредоточил в своих руках решение всех практических вопросов по оказанию помощи белогвардейцам. Ему деятельно помогал Керзон, временно возглавлявший министерство иностранных дел

¹ В. Черчилль. Мировой кризис. М. 1932, стр. 3, 4, 6.

в связи с тем, что министр иностранных дел Бальфур был в Париже. В отсутствие Ллойда Джорджа Черчилль и Керзон почти беспрепятственно проводили через правительство решения, направленные на увеличение помощи силам, боровшимся против Советской власти в России. Их поддерживало состоявшее из консерваторов большинство палаты общин. Реакционная пресса также выступала за политику расширения интервенции против Советской России. В начале 1919 г., когда нарастающая забастовочная волна вынудила Ллойда Джорджа на время покинуть Париж и вернуться в Лондон, здесь состоялось несколько бурных заседаний английского правительства, на которых обсуждалась позиция английской делегации на мирной конференции по вопросу о России. Черчилль и его единомышленники нападали на Ллойда Джорджа за то, что он выдвинул предложение созвать конференцию на Принцевых островах с участием представителей Советской России, и требовали проведения более энергичной политики в России. В результате правительство решило, что Черчилль направится в Париж, чтобы еще раз поставить перед руководителями мирной конференции вопрос о России. Ллойд Джордж знал, что Черчилль будет отстаивать в Париже политику развернутой военной интервенции. В то же время он был убежден, что в сложившейся международной и внутриполитической обстановке для Англии весьма опасно проводить эту политику. Поэтому он договорился с Черчиллем, что последний будет добиваться в Париже такого решения, которое предусматривало бы посылку в Россию Англией и другими союзниками только военного снаряжения и опытных специалистов-добровольцев и только в таком объеме, чтобы не вызвать «резкого протеста» внутри Англии и не помешать формированию английской регулярной армии мирного времени, комплектуемой на основе добровольной вербовки. 14 февраля Черчилль прибыл в Париж.

Он решил использовать полученную в отсутствие Ллойда Джорджа возможность непосредственно обратиться к мирной конференции, чтобы с ее помощью реализовать свои планы — мобилизовать силы ведущих империалистических держав и бросить их в Россию для свержения Советской власти. На заседании 15 февраля Черчилль напомнил, что целью предложения союзников о конференции на Принцевых островах было добиться прекращения военных действий в России. «Английское правительство», — говорил Черчилль, — считает, что существующие белоохранительские армии являются последними, которые могли быть подняты против Советской власти. Поэтому важно, чтобы предложение о конференции на Принцевых островах дало определенные результаты или чтобы оно было отброшено». В связи с этим Черчилль подготовил проект радиотелеграммы, который и представил на рассмотрение. В предложенном Черчиллем проекте говорилось: «Существенно и необходимо только одно: чтобы сейчас же прекратились бои и впредь не возобновлялись. Большевицское правительство... начало наступление в разных направлениях и в настоящее время атакует на нескольких фронтах. Кроме того, большевики призвали несколько новых категорий солдат и усилили свои военные приготовления. Поэтому необходимо точно фиксировать срок окончательного ответа на предложение о созыве конференции на Принцевых островах. Если в течение десяти дней, начиная с 15 числа текущего месяца, большевицские армии на всех фронтах не прекратят наступление и не отступят не менее чем на 5 миль от передовых позиций противника, то предложение, о котором идет речь, будет считаться неприятым. Если же в течение пяти дней будет получено по беспроволочному телеграфу сообщение от большевицкого правительства о том, что его войска, согласно с вышеуказанным, прекратили атаку, артиллерийский огонь и отошли на требуемое расстояние от передовых позиций противника, и если это сообщение будет подтверждено донесениями с разных фронтов, то с такими же требованиями союзники обратятся и к войскам противников большевицкого правительства. Только при этих условиях может состояться конференция на Принцевых островах»².

Проект радиотелеграммы, представленный Черчиллем, существенно отличался от декларации союзников от 22 января о конференции на Принцевых островах. Если в декларации лицемерно утверждалось, что союзники не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела России, то в проекте Черчилля откровенно заявлялось, что их «основным желанием» является организация в России «правительства согласно воле широких масс русского народа». Поскольку Черчилль под этим совершенно определенно подразумевал буржуазно-помещичье правительство, то, следовательно, предполагалось официально заявить, что союзники ведут войну в России с целью свержения Советской власти и установления буржуазных порядков. Далее в проекте Черчилля говорилось, что несущественно, будет ли вообще созвана какая-либо конференция, тогда как декларация от 22 января предлагала созвать конференцию, в которой на равных условиях участвовали бы Советское правительство и белоохранительские правительства, действовавшие в то время на территории России. Если декларация требовала прекращения военных действий всеми существующими в России правительствами, то проект Черчилля предъявлял это требование только одному Советскому правительству. Условие, предусматривавшее подтверждение факта прекращения Советским правительством военных действий его противниками, означало, что белоохранительцы не только могли определенное время не прекращать своих военных операций, но, по существу, получали возможность продвигаться вслед за советскими войсками, обязанными отойти на 5 миль.

² «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Paris Peace Conference». Vol. IV. Washington. 1942, p. 13—14.

Продвигаясь за советскими войсками, они могли требовать дальнейшего их отступления на том основании, что между белогвардейскими и советскими войсками нет пятимильной нейтральной полосы. Таким образом, предложение Черчилля, по существу, означало посылку Советскому правительству ультиматума с требованием слегка замаскированной капитуляции, причем условия, на которых такая капитуляция должна была состояться, не указывались, за исключением одного — создания «правительства согласно воле широких масс русского народа», то есть ликвидации Советской власти. Ультиматум умышленно был сформулирован так, чтобы Советское правительство не могло его принять, что явилось бы предлогом для организации концентрированного военного наступления интервентов и белогвардейцев на Советскую Россию.

Одновременно Черчилль предложил создать Союзный совет по русским делам, который должен был состоять из политической, экономической и военной секций, обладать исполнительной властью в пределах выработанной союзниками политики и приступить к работе независимо от того, к каким результатам приведет предложение о конференции на Принцевых островах. Черчилль считал, что военная секция совета должна начать действовать немедленно, ибо, если будет продолжаться наступление советских и отступление союзных и белогвардейских войск, то потребуются принять определенные военные меры и нужно будет знать, какие операции можно осуществить имеющимися в распоряжении союзников силами. Военной секции совета должно быть предложено «немедленно составить план концентрированного наступления на Советскую Россию». Детали, связанные с созданием совета, говорил Черчилль, могут быть выработаны различными путями, но «важно создать орган, который будет заниматься изучением положения и подсчетом вооруженных сил, которыми союзники располагают для ведения войны против большевиков». Черчилль подчеркивал при этом, что английское правительство, зайдя так далеко, не может просто отбросить политику Принцевых островов, не показав всему миру, что предложение о конференции было искренним. Никто не должен был быть в состоянии сказать: «Вы сделали вероломный ход и затем отказались от своего предложения. Большевики готовы были его принять, а вы отказались». Предложения Черчилля вызвали длительную дискуссию. Государственный секретарь США Лансинг заявил, что с некоторыми изменениями черчиллевский проект радиотелеграммы может быть принят, но что касается создания совета по русским делам, то он не может решить этот вопрос, не проконсультировавшись со своим правительством. И хотя премьер-министр Франции Клемансо и министр иностранных дел Италии Соннино целиком и полностью поддержали Черчилля, Бальфур, испугавшись сделать такой важный шаг без санкции своего правительства, предложил отложить дальнейшее рассмотрение вопроса о посылке радиотелеграммы Советскому правительству и создании совета по русским делам. Таким образом, Черчиллю не удалось добиться принятия ни одного из выдвинутых им предложений.

До Ллойд Джорджа начали доходить сведения о том, что происходило в Париже, и он не на шутку забеспокоился. Уезжая в Лондон, он оставил в Париже своего личного секретаря Филиппа Керра, который должен был информировать его о ходе конференции и с особым вниманием следить за обсуждением вопроса о России. Керр аккуратно выполнял данное ему задание. В связи с его телеграммой, содержавшей «некоторые тревожные известия об успехе в деле организации вооруженной антибольшевистской интервенции в России, который был достигнут под могучим влиянием Черчилля», Ллойд Джордж телеграфировал Черчиллю: «Я весьма встревожен вашей второй телеграммой относительно планирования войны против большевиков. Кабинет никогда не одобрял такого предложения. Он никогда не предполагал делать что-либо, кроме снабжения армий в антибольшевистских районах России с тем, чтобы они смогли удержаться... Я убедительно прошу вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России и создания его у себя в Англии. Мы не можем взять на себя такую ношу. Чемберлен (министр финансов.— В. Т.) сообщает мне, что мы едва сведем концы с концами в мирных условиях даже при теперешних огромных налогах и, если мы втянемся в войну против такого континента, как Россия, это будет прямой дорогой к банкротству и установлению большевизма на Британских островах. Французы не являются верными руководителями в этом деле. Их политика в значительной степени определяется огромным количеством мелких вкладчиков, поместивших свои деньги в русские займы и не видящих в настоящее время перспектив получить их когда-либо обратно. Поэтому я настоятельно прошу вас не обращать слишком много внимания на их подстрекательство. Они ничего так не хотели бы, как видеть, как мы таскаем для них каштаны из огня. Я хотел бы также, чтобы вы имели в виду весьма тяжелый рабочий вопрос в Англии. Если бы стало известно, что вы отравились в Париж для подготовки плана войны против большевиков, то это привело бы в ярость организованных рабочих больше, чем что-либо другое»³. Ллойд Джордж, чтобы дать понять американцам, что он не поддерживает политику Черчилля, приказал Керру показывать его телеграммы, адресованные Черчиллю, не только Бальфуру, но и полковнику Хаузу, личному представителю президента Вильсона. Черчилль пришел в ярость. Он возмущался тем, «что это выдает американцам внутренние противоречия английского правительства и

³ Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties. Vol. I. London. 1938, p. 371—372.

создает впечатление, будто Ллойд Джордж не уверен в том, что он, Черчилль, будет проводить его взгляды».

Когда Черчилль понял, что провести на мирной конференции предложение о создании совета по русским делам не удастся, он запросил мнение Ллойда Джорджа относительно возможности организации военной комиссии, которая должна была установить, какие меры нужно принять для оказания помощи белогвардейским армиям в России. Ллойд Джордж согласился. 17 февраля Верховный совет союзников обсудил новое предложение Черчилля. Против создания военной комиссии выступили американцы, руководствуясь тем соображением, что организация такой комиссии «вызовет беспокойство среди рабочего класса Англии и Америки, который вынудит как английское, так и американское правительство немедленно объявить свою русскую политику». Разделяя это опасение, Бальфур предложил не учреждать официально никакой комиссии, а поручить военным представителям неофициально договориться друг с другом. Клемансо рассердился: выходит, что руководители стран-победительниц боятся открыто обратиться к своим военным советникам по вопросу, который, по признанию всех, является важным для всей Европы. Но империалистические правительства действительно боялись, что народы узнают об их намерении продолжать борьбу против Советской России. Предложение Бальфура было принято. «При этих обстоятельствах, — пришел к выводу Черчилль, — оставаться в Париже было для меня бесполезно, и поэтому 18 числа я вернулся в Лондон».

Неудача, которую потерпел Черчилль в Париже, не уменьшила его рвение по части борьбы против Советской власти. С поразительной настойчивостью разными методами он убеждал всех, кого только мог, в необходимости решительного наступления на русскую революцию. Черчилль выступал с речами, писал и рассказывал различным влиятельным кругам меморандумы, доказывал членам английского правительства, представителям иностранных государств, что нужно задушить революцию в России. Вернувшись из Парижа, он с удвоенной энергией принялся за подготовку похода Колчака. В мае 1919 г. Парижская мирная конференция приняла решение признать Колчака в качестве правителя всей России и оказать ему помощь в том, чтобы его власть распространилась на территорию всей страны. Это была победа линии Черчилля. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин на заседании ВЦИК 27 января 1922 г. говорил по этому поводу: «Политику Ллойда Джорджа временно отнесли на задний план военные и крайние шовинистические круги, представляемые Черчиллем»⁴. Черчилль был, безусловно, невежественным человеком в теоретических вопросах социалистической революции. Он не понимал ни закономерности происходивших в России революционных изменений, ни программы большевистской партии. Но интуитивно он чувствовал, что пролетарская революция в России направлена против интересов того класса, из которого он вышел и интересы которого были его собственными жизненными интересами. Черчилль ненавидел Россию не только потому, что она была советской, но и потому, что она была великой державой и в свое время мешала реализации многих планов английского империализма в Европе и в Азии. Пройдет несколько десятилетий, и Черчилль с тоской будет вспоминать в 1950 г. о том, что ему не удалось, как он выразился, «задушить большевизм в колыбели».

Черчилль воевал против Советской власти, обманывая английский народ, который не одобрял его политику в отношении России, и попирая законы своей страны. «Английский военный министр Черчилль — говорил В. И. Ленин, — уже несколько лет употребляет все средства, и законные, и еще более незаконные с точки зрения английских законов, чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением. Это — величайший ненавистник Советской России»⁵. Черчилль лично занимался вопросами организации контрреволюционных сил в России. Встречавшийся с Черчиллем активный враг Советского государства Борис Савинков на вопрос о том, кто из английских министров оказывал реальную поддержку белогвардейским армиям, показывал перед военной коллегией Верховного Суда СССР: «Черчилль. Он был военным министром. Позиция Ллойда Джорджа была такова, что он умывал руки, делая вид, что он не совсем в курсе того, что делает Черчилль, хотя, разумеется, Черчилль не делал ровно ничего без согласия Ллойда Джорджа. Даже тогда, когда я беседовал с Ллойдом Джорджем лично, он занимал позицию немного двойственную, а Черчилль действительно очень энергично старался помочь». «Черчилль — продолжал Савинков, — мне показал карту юга России, где флажками были указаны войска денкинские и ваши войска... Он показал мне денкинские флажки и вдруг сказал: «Вот моя армия»⁶. Не следует преувеличивать степень расхождений между Черчиллем и Ллойдом Джорджем в вопросе об отношении к Советской власти. Споры между ними — это споры относительно способов борьбы с русской революцией. Если Черчилль отстаивал необходимость вооруженной интервенции, то Ллойд Джордж, считая открытую интервенцию невозможной в то время по внутриполитическим соображениям, предлагал вести переговоры с Советским правительством, чтобы дипломатическими средствами добиваться той же цели, к которой стремился и Черчилль.

⁴ «Материалы Генуэзской конференции». М. 1922, стр. 16.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 349—350.

⁶ «Борис Савинков перед военной коллегией Верховного Суда СССР. Стенограмма». М. 1924, стр. 32.

Г. В. Чичерин, докладывая ВЦИК 27 января 1922 г., говорил: «На берегах Темзы сосредоточилась вся политическая мудрость капиталистического мира. Государственные люди Темзы умеют видеть далеко и обладают тонким чутьем по отношению к поднимающимся новым историческим силам. Вступить в соглашение с новой исторической силой, чтобы ее обезвредить,— вот торжество английского традиционного государственного искусства, представителем которого в данный момент является премьер Ллойд Джордж с его гибкостью, с его чутьем по отношению ко всем окружающим политическим и общественным силам, с его умением компромиссов. Ему, представителю серьезных деловых кругов, приходится в самой Англии преодолевать сильнейшее сопротивление со стороны узко шовинистических элементов, частных групповых интересов с элементарным корыстолюбием, преодолевать сопротивление всех милитаристских элементов, военных и придворных сфер». Далее народный комиссар указывал, что эти «военные и крайние шовинистические круги, представляемые Черчиллем... стремились на развалинах Советской республики создать голую диктатуру Антанты, опирающуюся на грандиозный банк, при посредстве которого завоеванная Россия превратилась бы в колониальную страну»⁷.



Черчилля нельзя упрекнуть в непоследовательности. Он ненавидел не только рабочих и крестьян России, но и трудящихся Англии. Для Англии период после первой мировой войны был периодом начавшегося общего кризиса капитализма. Под воздействием огромных трудностей, которые выпали на долю английского рабочего класса во время войны, принесенных им жертв, а также под влиянием событий, происходивших в России, в Англии начался революционный подъем. Страну потрясли мощные выступления рабочего класса, невиданные за многие десятилетия. Черчилль был не из трусливых, но внутриполитическое положение Англии вызывало у него большую тревогу. В отношении рабочего движения он не обнаружил никакой гибкости. Как и до войны, когда он был министром внутренних дел, Черчилль считал, что в борьбе со стачками единственное действенное средство — применение силы. Он не отдавал себе отчета в том, что в условиях послевоенного революционного подъема это могло иметь обратные последствия. В конце января 1919 г. руководимое Черчиллем военное министерство направило командирам воинских частей, расположенных на территории Англии, циркуляр, предписывавший в недельный срок сообщить министерству, «выполнят ли войска приказы об участии в поддержании общественного порядка», «помогут ли они в подавлении стачек», «будут ли они готовы отправиться для действий за границей, особенно в России», каково влияние профсоюзов в войсках, как действует на войска агитация, проводимая из «внутренних и внешних источников», «были ли созданы в частях солдатские советы».

Черчилля очень тревожил быстрый рост влияния лейбористской партии. Он безоговорочно отрицательно относился к лейбористам. Действия Черчилля в начале 20-х годов свидетельствуют, что он недостаточно хорошо понимал английский лейборизм. Лейбористские лидеры не были революционерами. Они были оппортунистами, заинтересованными в налаживании сотрудничества между рабочим классом и буржуазией, а не в развязывании борьбы между ними. Лейбористские деятели надеялись, что, представляя рабочий класс и входя от его имени в сговор с буржуазией, они могут сделать в конце концов карьеру в условиях буржуазного государства. И они не ошиблись. Некоторые из них впоследствии стали премьер-министрами Англии. Именно деятельность этих лидеров объяснялось то, что лейбористская партия, будучи по своему составу рабочей, вела буржуазную политику. Черчилль этого не понимал. Вероятно, он всерьез верил, что лейбористские лидеры, придя к власти, начнут вводить в Англии социалистические порядки, чем-то напоминающие то, что создали рабочие и крестьяне в России. Черчилль опасался, что политическая борьба между консерваторами и либералами даст возможность лейбористам одержать победу на выборах и создать свое правительство конституционным путем. Поэтому он выступил в начале 20-х годов с идеей создания так называемой партии центра, которая должна была объединить лучшие силы консерваторов и либералов в одной организации. Речь шла о создании единого политического фронта английской буржуазии с тем, чтобы предотвратить приход к власти лейбористов. У Черчилля были и другие мотивы для выдвижения идеи создания партии центра. На протяжении ряда лет он искал пути, чтобы вернуться обратно в лоно консервативной партии. Однако чрезмерной критикой консерваторов он в свое время вызвал с их стороны сильную ненависть к себе. Несмотря на то, что на протяжении ряда лет Черчилль своими действиями и выступлениями показывал, что он более консервативен, чем сами консерваторы, последние в начале 20-х годов все еще не были склонны сменить гнев на милость. Участие вместе с консерваторами в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа не обеспечило Черчиллю возвращения в родную партию. Теперь он надеялся возобновить совместную деятельность с консерваторами в рамках новой мощной партии. Такие деятели, как Остин Чемберлен, лорд Биркенхед и некоторые другие, поддерживали идею создания единой партии английской буржуазии в условиях развивавшегося революционного подъема. Однако широ-

⁷ «Материалы Генуэзской конференции», стр. 15—16.

кой поддержки эта идея в рядах консерваторов и либералов не встретила, и Черчиллю в конце концов пришлось искать более прямых путей для возврата к консерваторам.

К началу 1921 г. обнаружился полный провал попыток Англии и других империалистических держав силами внешней и внутренней контрреволюции свергнуть Советскую власть в России. Вследствие этого в английском правительстве одержала верх точка зрения Ллойд Джорджа относительно необходимости установления отношений де-факто с Советским правительством. Это означало, что Черчиллю уже нечего было делать в военном министерстве. И поэтому в январе 1921 г. он получил новое назначение: Ллойд Джордж перевел его из военного министерства в министерство колоний. Теперь твердая рука Черчилля понадобилась английским правящим кругам для того, чтобы бороться с национально-освободительным движением, вызвавшим кризис Британской колониальной империи. В ходе первой мировой войны английское правительство организовывало выступления арабов против Турции с целью ослабить силы своего противника и получить возможность прибрать к рукам арабские территории, находившиеся под фактическим или номинальным владычеством Турции. Английские агенты не стеснялись в обещаниях, которые они давали арабским лидерам. К концу войны обнаружилось, что эти обещания выполнить невозможно: одни и те же территории и владения были обещаны нескольким шейхам. В среде арабской знати росло недовольство англичанами. Рядовые арабы все больше понимали, что освобождение от турецкого ига несет им не свободу, а новый, на этот раз уже английский, колониальный гнет. Поэтому англичанам приходилось держать крупные вооруженные силы в Египте и на Ближнем Востоке. Только в Ираке было размещено 40 тыс. английских солдат, что обходилось английскому налогоплательщику в 30 млн. ф. ст. в год. Черчилль в новом качестве министра по делам колоний взялся урегулировать положение. Он созвал в Каире совещание английских военных и колониальных деятелей, действовавших в то время на Ближнем Востоке. Главным советником Черчилля на этом совещании был известный английский агент на Ближнем Востоке полковник Лоуренс. Черчилль и Лоуренс понравились друг другу, и у них тогда завязались дружеские отношения, продолжавшиеся длительное время. Сотрудники Черчилля, сопровождавшие его в Каир, впоследствии вспоминали о том, с какими трудностями была связана эта поездка. Местное население встречало англичан враждебно. Когда они следовали из Александрии в Каир в личном поезде египетского султана, население перебило камнями окна в вагонах поезда. Пришлось мобилизовать все силы английской и египетской полиции, чтобы обеспечить безопасность английского министра колоний. Совещание в Каире приняло решение передать трон Ирака одному из арабских лидеров, эмиру Фейсалю, которого сделали иракским королем, чтобы умиротворить тех, кто оказался обделенным ранее. Черчилль выдвинул идею, чтобы отныне основная тяжесть полицейских функций в колониальных странах и прежде всего на Ближнем Востоке лежала не на сухопутной армии, а на военно-воздушных силах Англии. (Кстати, Черчилль сохранил за собой руководство военной авиацией и перешел в министерство колоний.) Если ранее повстанцы в колониях расстреливались англичанами из артиллерийских орудий и винтовок, то теперь предлагалось усмирять их бомбардировками с воздуха и расстреливать пулеметными очередями с самолета. Впоследствии Черчилль очень гордился своей идеей. Его биографы также считают это предложение крупным достижением Черчилля: принятие такого плана в то время давало Англии большую экономию, так как ежегодные расходы по содержанию войск на Ближнем Востоке были сокращены с 40 до 5 млн. ф. ст. в год.

К концу 1922 г. коалиция консерваторов с либералами, победившая на парламентских выборах в декабре 1918 г., уже изжила себя. Консерваторы, терпевшие Ллойд Джорджа во главе правительства в первые послевоенные годы, когда нарастала волна рабочего движения в Англии и за ее пределами, теперь уже не считали необходимым союз с ним. Они ставили в вину Ллойд Джорджу его неспособность вести успешную борьбу против Советской власти в России (как будто кто-либо другой на его месте мог обеспечить успех интервенции!). Консерваторы считали, что Ллойд Джордж пошел на излишние уступки в ирландском вопросе. Их не устраивали и уступки, сделанные английскому рабочему классу в первые послевоенные годы. Консерваторы стремились использовать кризис, который переживала либеральная партия, для того, чтобы одним утвердиться у власти. 19 октября 1922 г. они заявили о разрыве коалиции с либералами. Ллойд Джорджу ничего не оставалось, как подать в отставку. Принимая отставку, король выразил надежду, что пройдет немного времени, и Ллойд Джордж опять станет премьер-министром. Но Георг V оказался плохим пророком. Ллойд Джордж прожил еще четверть века, но так ни разу и не смог не только возглавить правительство, но и стать просто министром в чьем-либо кабинете. Новое, теперь уже однопартийное, правительство сформировал лидер консерваторов Бонар Лоу. Оно состояло в основном из молодых деятелей, среди которых выделялся представитель крупного бизнеса Стэнли Болдуин. Черчилль, поскольку он был либералом, оказался не у дел. Вероятно, раздражением, которое было вызвано именно этим обстоятельством, объясняется его весьма критическая оценка нового правительства: «Бонар Лоу сформировал правительство, которое по числу и значимости его членов можно было бы назвать правительством «одиннадцати второразрядных». Бонар Лоу распустил парламент и назначил новые выборы в палату общин. Для Черчилля это были трудные и неудачные выборы.

По традиции Черчилль выставил свою кандидатуру на новых выборах в надежном, как ему казалось, избирательном округе Данди, где избиратели состояли в своем большинстве из рабочих и где традиционно сильны были либеральные элементы. Но к этому времени избиратели Данди значительно полевели. В первые послевоенные годы в Англии происходило быстрое размежевание политических сил. Подъем рабочего движения и социалистическая революция в России резко увеличили интерес трудящихся к социализму. Черчилль не учел этого. Он заявил, что выступает на выборах как либерал. А жителей Данди либерализм уже не устраивал — их интересовала более левая политика. В довершение ко всему избиратели в своей основной массе уже понимали, что Черчилль на самом деле является не либералом, а крайним реакционером явно консервативного толка. Противником Черчилля на выборах был Е. Д. Морель — бывший либерал, перешедший к тому времени в лейбористскую партию. Он был прекрасным оратором, великолепно знал международные отношения периода первой мировой войны и весьма убедительно критиковал в своих выступлениях политику английского правительства военного времени и особенно ошибки, которые допустил Черчилль. То, чего не договаривал Морель, добавлял в своих выступлениях коммунистический кандидат Уильям Галлахер. Черчиллю пришлось защищаться. Политически его положение было сложным. Его симпатии были на стороне консерваторов, а настроения в избирательном округе складывались в пользу социализма. В этих условиях Черчилль решил избрать средний путь. Он заявил, что выступает и против крайностей твердолобого консерватизма и против социализма. Однако вскоре оказалось, что такая двусмысленная позиция успеха не сулит. Черчилль на ходу перекарсился под прогрессивного деятеля. Он заговорил о необходимости улучшения жилищных условий трудящихся, о желательности увеличения пособий по безработице, об улучшении работы общественных служб. Черчилль настолько далеко пошел, что назвал консерваторов партийной ретроградой. Но избиратели не верили ему. Неожиданно прибавилось еще одно неблагоприятное для Черчилля обстоятельство совершенно другого рода. В начале избирательной кампании он попал в больницу, где ему сделали операцию аппендикса. Поэтому в начале предвыборной борьбы его общение с избирателями осуществлялось лишь через письма и воззвания, которые он сочинял и направлял в свой избирательный округ. Для него было очень важно сохранить место в парламенте в это сложное время, когда определялась расстановка сил в правящей верхушке страны. Поэтому, не выздоровев окончательно, Черчилль вышел из больницы и появился в своем избирательном округе. Он был потрясен враждебностью, с какой его встретили избиратели. 14 ноября 1922 г. Черчилль попытался выступать на массовом митинге перед 9 тыс. избирателей. Его внесли на эстраду на кресле для инвалидов. Но все его попытки произнести речь срывались криками, раздававшимися из зала. «Я был поражен, — пишет Черчилль, — выражением страшной ненависти, которое было на лицах у некоторых молодых мужчин и женщин. Действительно, если бы не мое беспомощное положение, я уверен, они избили бы меня». Итоги выборов были тяжким ударом для Черчилля. Он потерпел сокрушительное поражение, в парламент был избран его политический противник, державившийся более левых взглядов. Впервые с 1900 г. Черчилль оказался вне парламента. Впоследствии он с грустной иронией вспоминал об итогах этих выборов: «Я и глазом не успел моргнуть, как оказался без работы, без места в парламенте, без партии и даже без аппендикса».

Врачи посоветовали Черчиллю отдохнуть после операции. Как только итоги выборов были объявлены, Уинстон с Клементиной отправились на юг Франции. Их сопровождали горничная, лакей и секретарь. Черчилль много рисовал. Живопись должна была отвечь его от огорчений, вызванных превратностями судьбы. Он любил рисовать на юге Франции, в Италии, в Испании, в Северной Африке, на островах Средиземного моря. Ему не нравились блеклые тона английских пейзажей и серое небо над Англией. Он предпочитал буйные краски Средиземноморья, ярко-голубое море и такое же яркое небо. Находились люди, которые, одни искренне, другие неискренне, говорили о его «исключительном таланте» в этой области, о том, что Черчилль — «в высшей степени многообещающий живописец», проводили выгодные для него сравнения с профессионалами. Действительно, для любителя он добился значительного успеха. В 1921 г. Черчилль выставил в Париже пять своих ландшафтов. Не рискуя подписать картины своей настоящей фамилией, он выступил под псевдонимом Чарльз Морен. Четыре из выставленных пейзажей были куплены, причем за 30 ф. ст. каждый. Это была вполне приличная цена для дебютанта Чарльза Морена. Надо отдать справедливость Черчиллю, этот успех не вскружил ему голову. Вероятно, он понимал, что его возможности в области живописи ограниченные и он не сможет на этом поприще занять одно из первых мест. Живопись могла дать славу, деньги, но ни в коем случае не власть. А для Черчилля именно это было главной целью в жизни.

Если живопись для Черчилля была развлечением, то литературный труд — бизнесом. Свою последнюю крупную книгу — биографию отца — он опубликовал задолго до первой мировой войны. Теперь, когда у Черчилля оказалось время в избытке, он опять решил заняться большим литературным трудом. Он писал и в годы войны, когда на протяжении 20 месяцев находился не у дел. Но то были статьи в газетах и журналах, сочиняемые как для заработка, так и для популяризации собственного имени. К 20-м годам материальный стимул для литературного труда у Черчилля уменьшился. Одна из его дальних родственниц, маркиза Лондондерри, оставила ему крупное на-

следство. Вместе со старыми капиталовложениями это давало ему доход в 5 тыс. ф. ст. в год, что равнялось жалованью английского министра — члена кабинета. С таким доходом Черчилль имел возможность вести образ жизни, принятый в кругах английской знати и крупной буржуазии. Но он любил писать книги и уже не мог не заниматься этим, если имел свободное время. После политики литературный труд был для него наиболее любимым занятием. Теперь, в конце 1922 г., на южном побережье Франции Черчилль приступил к написанию крупной работы, которая должна была состоять из 4 или 5 больших томов — он не любил и не умел писать компактные книги, — объединенных общим заголовком «Мировой кризис». Вероятно, идея создания такой работы возникла у него в самом начале войны, если не до войны. Уже в то время Черчилль вел подготовку к созданию этого труда, тщательно собирая письма, копии документов, меморандумов, которые он сам писал в огромном количестве. Порядок ведения делопроизводства в английском правительстве в то время был таков, что Черчилль имел возможность оставлять себе экземпляры всех этих документов, имевших, безусловно, официальный характер и зачастую секретных. Он тщательно коллекционировал и составлявшиеся другими государственными деятелями документы, которые попадали к нему в руки как к члену правительства. Всю эту массу материалов Черчилль использовал для написания «Мирового кризиса». Наиболее важные главы второго тома, посвященного первому году войны, включая Дарданелльскую трагедию, Черчилль написал еще во время войны, рассчитывая опубликовать их с целью доказать несправедливость возлагаемой на него ответственности за катастрофу, которую потерпели английские вооруженные силы в проливах. Тогда Асквит не разрешил публикацию этого материала, и теперь Черчилль включил его целиком и без какой-либо переработки во второй том своего труда. Работал Черчилль быстро и продуктивно. Он обладал удивительной способностью концентрировать в определенное время всю силу своего ума на чем-либо одном, абстрагируясь от всего остального. Черчилль диктовал текст секретарю, расхаживая по комнате и непрерывно жуя сигару, причем она совсем не обязательно должна была быть зажжена. Он не случайно прибегал к диктовке. Это было быстрее и обеспечивало лучшую литературную форму: Черчилль всегда говорил лучше, чем писал.

Два первых тома «Мирового кризиса» вышли в свет в 1923 году. Вскоре появились еще два тома, а затем через некоторое время и завершающий, пятый. Название труда говорит о том, что автор предполагал написать своеобразную всемирную историю, охватывающую канун первой мировой войны, самую войну и годы послевоенного мирного урегулирования. Однако из-под пера Черчилля вышла не столько всемирная история, сколько повесть о деятельности его самого в соответствующие годы. Лорд Бальфур, с которым у Черчилля к этому времени уже сложились неплохие отношения и который энергично помогал ему найти пути для возврата в партию консерваторов, заметил как-то, что на него произвела сильное впечатление блестящая автобиография Черчилля, замаскированная под всемирную историю. Печать подняла большой шум вокруг «Мирового кризиса». И друзья и противники в общем сходились на том, что у Черчилля выработался неплохой литературный стиль и что его книги легко и с интересом читаются, несмотря на их громадные размеры. Один из английских романистов, Арнольд Беннет, отметил, что «Черчилль, независимо от того, точно он излагает факты или неточно, в высшей степени читабелен; он почти так же читабелен, как Маколей». Такое сравнение было большой похвалой для Черчилля, который видел в Маколее образец и стремился ему подражать. Артур Конан Дойль, создатель широко известного «Шерлок Холмса», писал в «Times»: «Я уже давно признал, что Уинстон Черчилль обладает лучшим стилем в прозе, чем кто-либо из современников». Но такую восторженную оценку разделяли далеко не все. В рецензии, опубликованной в «London Mercury», отмечалось, что стиль Черчилля «амбициозный и недостаточно отработанный». «Мировой кризис» — ловко сделанная комбинация из автобиографии и исторического повествования; этот труд не может быть отнесен к числу исторических работ, несмотря на его заголовок, — английские историки пришли к такой мысли довольно единодушно еще в момент появления в свет первых двух томов. «Апология адмиралтейства. Первоклассный материал для историка» — так заметил в рецензии Поллард, профессор английской истории Лондонского университета. «Мировой кризис», пожалуй, в большей степени, чем все предшествующие книги Черчилля, воплотил его идею, что историю делают герои. В данном случае таким героем был сам Черчилль. Газета «The New York Times» в рецензии на «Мировой кризис» писала: «Аристократ по рождению и по происхождению, Черчилль интересуется только великими людьми, великими делами и великими событиями». Это историческое кредо у Черчилля еще больше укрепится в дальнейшем и найдет более яркое выражение в последующих его трудах как исторического, так и автобиографического плана.

За первые два тома «Мирового кризиса» Черчилль получил огромную сумму — 20 тыс. ф. ст. В это время его финансовое положение было прочным, и на полученный гонорар он купил весной 1923 г. загородный дом с крупным земельным участком — Чартвелл. В нем Черчилль прожил до конца своей жизни. В Лондоне у него был другой дом, которым он пользовался в то время, когда не находился в составе правительства и не имел официальной служебной резиденции. Литературный труд, живопись, приятные заботы по обживанию приобретенного дома не могли отвлечь Черчилля от преследовавшей его мрачной мысли, что он оказался в стороне от политической жизни. Друзья Черчилля рано поставили крест на его политической карьере. Сам он

явно не намеревался удовлетвориться тем, чего он достиг в области политики к началу 20-х годов.

Теперь для него стало ясным одно — к власти он может прийти только через консервативную партию и, следовательно, надо любой ценой в нее вернуться. Консерваторы в это время считали, что два их главных врага — это Советская Россия и английское рабочее движение. Черчилль учитывает это обстоятельство и решает доказать консерваторам, что он может оказать им неоценимые услуги в борьбе против СССР и английского рабочего класса. Черчилль начинает выступать с речами и заявлениями, в которых ему нетрудно было доказать, что он является и навсегда останется самым последовательным борцом против Советского Союза и социалистической революции. В этих вопросах Черчилль не лицемерил — это были его действительные убеждения, а не тактический прием. Он нападает на лейбористскую партию, причем в своих выступлениях заходит так далеко, что приписывает лидерам лейбористов революционные цели и намерения разрушить капиталистический строй, существующий в Англии. Многие либералы и консерваторы не разделяли подобных опасений, но это не смущало Черчилля. Ему важно было зарекомендовать себя как крайнего антисоциалиста. Черчилль требует энергичной борьбы против лейборизма вообще, включая и его правых лидеров. Не случайно такой умный наблюдатель и крупный знаток социальных проблем, как писатель Герберт Уэллс, проводил аналогию между позицией Черчилля и позицией итальянских фашистов. «Он совершенно наивно верит, — писал Уэллс, — что принадлежит к удивительно одаренному и привилегированному классу людей, управляющих жизнями и делами рядовых людей, которые являются для них сырьевым материалом для делания блестящих карьер. Его воображение одержимо мечтами о подвигах и карьере. Это воображение очень близко воображению людей типа д'Аннунцио (д'Аннунцио — итальянский поэт, авантюрист, один из лидеров итальянского фашизма. — В. Т.). В Англии д'Аннунцио был бы Черчиллем, в Италии Черчилль был бы д'Аннунцио. Черчилль усиленно изучал Наполеона I и собирал литературу об этом великолепном авантюристе. Превыше всего ему хотелось бы оказаться в некоем драматическом мире, состоящем из негодяев и одного героя». Большой английский писатель удачно подметил духовную близость между Черчиллем и д'Аннунцио. Пройдет немного времени, и мы из уст самого Черчилля услышим восторженные речи в адрес итальянских фашистов.

Подобное поведение очень вредило Черчиллю в глазах трудящихся, но делало его более близким и полезным для консервативной партии. Лидеры консерваторов уже были склонны помочь Черчиллю вернуться в их партию. В рядах консерваторов в то время не было людей, равных Черчиллю по способностям, силе воли и энергии. Поэтому на выборах в парламент в октябре 1924 г. консерваторы выдвинули его в качестве своего кандидата в избирательном округе Эппинг, где он и был избран. В соответствии с итогами выборов Стэнли Болдуин 7 ноября 1924 г. сформировал консервативное правительство. Англичане были удивлены, узнав список ведущих министров. Черчилль в нем значился как министр финансов. «Сторонник свободной торговли, ничего не смыслящий в финансах, — замечает Тэйлор, — стал канцлером казначейства». Это был второй по значению, после премьер-министра, пост в правительстве. Таким образом, консерваторы высоко оценили усердие Черчилля по борьбе против социализма и не только вновь приняли его в свои ряды, но и щедро наградили. Многие консерваторы ворчали, что если бы во главе партии стоял Бонар Лоу, то этого не произошло бы. Удивлен был и сам Черчилль. Ведь всего несколько месяцев тому назад он был без партии и без места в парламенте. Казалось, что его ждет полное политическое забвение. И вдруг в конце 1924 г. он министр финансов и, следовательно, прямой наследник поста премьер-министра Болдуин, старавшийся держаться простачком, изображавший из себя провинциального фермера, который будто бы интересуется лишь разведением свиней, в действительности был человеком мудрым. Если Бонар Лоу считал, что лучше иметь Черчилля против себя, то Болдуин предпочитал иметь его рядом с собой. Болдуин, и не он один, опасался, что если Черчилль останется не у дел, то может объединиться с Ллойд Джорджем, который также находился не у дел. К ним мог присоединиться их друг, известный консервативный деятель лорд Биркенхед. Этот триумvirат из весьма энергичных и целеустремленных людей, лучших английских ораторов того времени, мог причинить консервативному правительству большие неприятности. Чтобы не допустить создания такой комбинации против себя и поставить энергию и способности Черчилля на службу консервативному правительству, Болдуин и перекупил его, назначив министром финансов. Он поступил в соответствии с давней английской политической традицией.



Весной 1926 г. Англию потряс один из самых мощных социальных конфликтов в ее истории — всеобщая стачка. Углепромышленники, поддержанные правительством, выдвинули требование сократить зарплату шахтерам. В ходе длительных переговоров между правительством, шахтовладельцами и горняками обнаружилось, что правительство ищет открытого столкновения, чтобы разгромить горняков, которые являлись одним из самых боевых отрядов английских рабочих, и затем навязать понижение заработной платы всему рабочему классу страны. В то же время руководители профсоюзов, оппортунисты и соглашатели боялись всеобщей забастовки и всячески старались урегулировать

вать конфликт каким-либо соглашением. Черчилль, хотя этот вопрос и не имел прямого отношения к министерству финансов, принял самое активное участие в конфликте. Он, пишет Тэйлор, «возглавлял тех, кто хотел драки». Черчилль старался сорвать переговоры между правительством и представителями рабочих и всячески вел дело к тому, чтобы рабочие пошли на всеобщую забастовку и были разгромлены. Интересно, что некоторые английские историки объясняют бурную деятельность Черчилля в период всеобщей стачки и карьеристскими мотивами. Черчилль демонстративно стремился сыграть главную роль в организации разгрома всеобщей стачки и тем самым показать, насколько в это бурное время он нужнее для правящих кругов страны, чем флегматичный и жадущий покоя Болдуин. Этим способом, замечает Тэйлор, он «мог надеяться спихнуть Болдуина с позиции верховного руководителя. Если так, то Черчиллю не сопутствовал успех. Он лишь вызвал у рабочих недоверие к себе, сохранявшееся до начала второй мировой войны». Эрнст Бевин, один из руководителей всеобщей забастовки, впоследствии дважды, в 1929 и 1946 гг., публично обвинял Черчилля в том, что его вмешательство в самую последнюю минуту сорвало намечавшуюся между правительством и руководителями профсоюзов договоренность и сделало всеобщую стачку неизбежной. 4 мая 1926 г. в Англии началась первая в истории страны всеобщая стачка, в которой вместе с шахтерами приняли участие все основные отряды английского рабочего класса. Рабочие были полны решимости добиться победы и заставить правительство и шахтовладельцев отступить. Правительство использовало против бастующих полицию, войска, добровольческие отряды, наverbованные в среде буржуазии, и всячески вело дело к обострению борьбы. В эти дни энергия Черчилля развернулась полностью. Он любил острые моменты борьбы, а в данном случае он действовал особенно активно, ибо борьба шла против рабочих. Как замечает один из его биографов, «всеобщая стачка предоставила Черчиллю новую возможность играть роль Наполеона». Черчилль производит смотр грузовиков по доставке молока, сконцентрированных в Гайд-парке. Он организует прохождение броневых автомобилей по улицам Лондона с целью спровоцировать столкновения между войсками и рабочими (но бастующие не поддались на эту провокацию). Однако наибольшую популярность он приобретает как издатель и главный редактор «British Gazette». Ни одна газета в Лондоне не выходила, ибо типографские рабочие бастовали. Черчилль организовал при содействии лорда Бивербрука на базе газеты «Morning Post» издание «British Gazette», которая повела бешеную атаку на участников забастовки. Черчилль не гнушался прямыми оскорблениями, клеветой и инсинуациями. Он провокационно называл бастовавших рабочих врагами государства и требовал их безоговорочной капитуляции. Это была доведенная до крайности шовинистическая, антирабочая пропаганда. В эти дни немало усилилась ненависть, которую английский рабочий класс питал к Черчиллю в связи с его долготелетней борьбой против трудящихся страны. Забастовка нарастала и принесла бы победу бастующим, если бы рабочие не были преданы их руководителями — членами генсовета тред-юнионов, — которые колебались с первого же дня борьбы и 12 мая объявили о прекращении всеобщей стачки. Дезорганизованные и обманутые рабочие прекратили забастовку. Позднее они поняли, что были преданы. Продолжали борьбу лишь горняки. Они бастовали еще в течение 7 месяцев, и только страшная нужда и голод заставили их вернуться на работу. Крупнейшее выступление английского рабочего класса, являвшееся последним и весьма мощным всплеском послевоенной революционной волны, закончилось поражением рабочих. Черчилль сыграл самую активную роль в том, чтобы обеспечить это поражение.

С чувством исполненного долга Черчилль вслед за Болдуином, отправившись отдыхать во Францию, также уехал из Лондона и совершил путешествие в Египет и Грецию. Написав там несколько пейзажей, Черчилль в январе 1927 г. направился с визитом в Рим в качестве гостя Муссолини. Итальянская фашистская пресса рассыпалась в комплиментах в адрес Черчилля. И было за что. После того, как Муссолини в течение недели чувствовал Черчилля, английский министр собрал пресс-конференцию, на которой изложил свое мнение об итальянском фашизме. «Естественно, вы спросите меня, — заявил Черчилль итальянским и иностранным корреспондентам, — о моих беседах с итальянскими государственными деятелями и, в частности, с синьором Муссолини и графом Вольпи (итальянский министр финансов. — В. Т.)... Как и многие другие люди, я не мог не быть очарован мягкой и простой манерой поведения синьора Муссолини... Все видят, что он не о чем ином не помышляет, как о длительном благополучии... итальянского народа, и что никакие мелкие интересы его не занимают. Я думаю, что не нарушу оказанного мне доверия, если скажу, что большая часть моих бесед с синьором Муссолини и графом Вольпи касалась экономического положения итальянских трудящихся... Я был очень рад узнать и убедиться на фактах и цифрах, что из месяца в месяц происходит определенное улучшение в этой области по сравнению с предыдущим годом». Выразив свое восхищение корпоративной системой, которую вводил итальянский фашизм, Черчилль заявил, что на этом основании он считает «абсолютно абсурдным утверждение, будто итальянское правительство не опирается на народ и не поддерживается активно широкими массами». «Если бы я был итальянцем, — сказал далее Черчилль, — я был бы всем сердцем с вами от начала до конца в вашей триумфальной борьбе против... ленинизма. Но в Англии нам не приходится бороться с этой опасностью в такой тяжелой форме, как у вас. У нас есть свой метод делать дела. Но в том, что мы одержим победу в схватке с коммунизмом и задушим его,

я абсолютно уверен». Затем Черчилль в высшей степени положительно отзывался о значении опыта итальянского фашизма для борьбы против международного рабочего и коммунистического движения. «В международном плане,— сказал он,— ваше движение оказало услугу всему миру... Италия показала, как надо бороться против подрывных сил... Тем самым она выработала необходимое противоядие против русского яда. После этого ни одна великая держава уже не окажется без необходимых средств защиты от разрушающей болезни...» Черчилль выдвинул идею, чтобы «Англия, Франция, Италия и Германия совместно работали над возрождением Европы и залечивали раны, нанесенные войной». Это был один из первых вариантов предложения о создании пакта четырех держав — предложение создать контрреволюционный директорат четырех, который должен был обеспечить успех в борьбе против революционного движения. Но в то время такой план едва ли мог быть осуществлен. Заявление Черчилля корреспондентам в Риме, замечает один из его биографов, показывает, «как далеко завело Черчилля его отвращение к большевизму». «Times» писала, что пресс-конференция Черчилля вызвала «восторженные комментарии в фашистских газетах, которые говорят о его заявлении как о самом важном суждении, когда-либо высказанном о фашизме иностранным государственным деятелем. Они выражают уверенность, что это заявление окажет в высшей степени благоприятное для фашизма влияние на мировое общественное мнение. Черчилля особенно поздравляют по поводу того, что он понял настоящий дух фашистского движения». Нежные объятия Черчилля с итальянскими фашистами были не случайностью, а закономерным проявлением его классовых политических убеждений, результатом политики, которую он последовательно проводил в отношении социализма и рабочего движения на протяжении многих лет. В этом плане он стоял на самом правом крыле в английских консервативных кругах и был не одинок. Многие в правящих верхах Англии относились к итальянскому фашизму так же, как и Черчилль. В 1923 г., едва Муссолини успел захватить власть, английский король наградил его орденом Бани — одним из высших английских орденов. Черчилль долго восхищался делами итальянских фашистов. В сентябре 1935 г. он продолжал говорить о Муссолини как о «великом человеке и мудром правителе». «Если он,— замечает Э. Хьюз,— утратил свое восхищение дуче после 1935 г., то лишь потому, что последний слегка затронул английские империалистические интересы своим грабительским набегом на Эфиопию».

В 20-е годы Черчилль продолжал перестраивать и улучшать свой загородный дом. Все вик-энд-ы, то есть субботы и воскресенья, он проводил за городом. Частыми гостями в Чартвелле были лорд Бивербрук, лорд Биркенхед и Ллойд Джордж, которых Черчилль считал своими ближайшими друзьями. Иногда они действовали вместе, но часто плели друг против друга различные интриги. Черчилль допоздна засиживался с гостями в бесконечных беседах о политике. Досуг Черчилль проводил, занимаясь различными строительными работами в Чартвелле. Он своими руками построил целую систему каналов и водопадов, обширный бассейн для золотых рыбок, плавательный бассейн. Черчилль любил вести кирпичную и каменную кладку. Он учился этому ремеслу у профессионального каменщика по 6 часов в день до тех пор, пока не приобрел необходимые навыки. В поместье Черчилль сложил длинную стену и несколько коттеджей. В 1928 г. по приглашению генерального секретаря объединенного союза строительных рабочих Хикса он вступил в этот профсоюз, внося вступительный взнос в 5 шиллингов. Разумеется, для Черчилля это была шутка, однако рабочие восприняли ее как оскорбление. В специальной резолюции они осудили вступление Черчилля в профсоюз и не приняли от него 5 шиллингов. Но, несмотря на это, Черчилль хранил свой профсоюзный билет.

В 1929 г. на выборах в парламент консерваторы потерпели поражение. Лидер лейбористов Макдональд сформировал второе лейбористское правительство. Черчилль, как консерватор, естественно, потерял свой министерский пост. Тогда было трудно предположить, что его пребывание не у дел затянется на 10 долгих лет. Черчилль не прижился у консерваторов. Бросив либералов и вернувшись в старую партию, он не нашел в ней своего места. Деятельность Черчилля настраивала английское общественное мнение против него. Нельзя сказать, что его политическая линия шла вразрез со взглядами ультраправых консерваторов. Но и они были недовольны Черчиллем. Его шумный антисоциализм причинял и консерваторам политический ущерб, восстанавливая народные массы против их партии. Эти настроения передавались прессе, газеты недоброжелательно относились к нему. «Он меняет партии с такой же легкостью, как меняют партнеров в танце,— писала одна газета.— Он всегда был верен только одной партии, в которую он действительно верит. Это та партия, которая носит шляпу Уинстона Черчилля... Его жизнь состоит из одной бесконечно длинной речи. Он не беседует, он произносит речь. За завтраком он обращается к вам так, как если бы вы были частью аудитории на митинге в Фритред-холле, а за обедом вы обнаруживаете, что представление все еще продолжается. Если вы встретите его в перерывах, он выдает вам еще несколько порций своей лекции, расхаживая из угла в угол по комнате с сосредоточенным, напыщенным, наполеоновским видом, который ставит его крайнюю серьезность на грань комизма. Он не желает выслушивать вашу точку зрения, он не хочет нарушать красивую ясность собственной мысли раздражающими замечаниями другой стороны. Да и какое ему дело до другой стороны, если прав он сам. Он не спорит с вами. Он вас поучает». Даже спокойному, уравновешенному, скептически-ирони-

ческому Болдуину было трудно выносить Черчилля. Он уставал от его неумной энергии и манер, подчеркивавших его превосходство. Болдуин жаловался, что «правительственное заседание, на котором присутствует Уинстон, не имеет возможности заниматься рассмотрением намеченной повестки дня, ибо оно неизбежно должно иметь дело с каким-либо весьма умным меморандумом, представленным на его рассмотрение Черчиллем и касающимся деятельности любого другого министерства, кроме того, которым руководит сам Черчилль». Болдуин говорил друзьям, что если ему когда-либо придется формировать новое правительство, он не включит в его состав Черчилля из-за его неспособности сотрудничать со своими коллегами. Болдуин сдержал свое слово, когда в 1931 г. он вместе с Макдональдом, предавшим лейбористов, сформировал коалиционное правительство. Поскольку Черчилль в то время не пользовался никакой поддержкой со стороны общественности Англии, ему пришлось довольствоваться в течение ряда лет скромной ролью рядового члена парламента, которых в Англии называют заднекамечниками.

Черчилль понимал, что на пути его возвращения к власти прочно стал Болдуин, заменивший в 1935 г. Макдональда на посту главы правительства. Поэтому многие действия Черчилля в 30-е годы были направлены на то, чтобы свергнуть Болдуина. Выступая по вопросу о политике в отношении Индии, критикуя действия правительства по германскому вопросу, Черчилль не только отстаивал определенные политические концепции, но и вел атаку на позиции Болдуина. Все это, однако, результатов не давало. Но вскоре, как показалось тогда Черчиллю, представился случай, когда можно было выступить против Болдуина с известными шансами на успех. 20 января 1936 г. после непродолжительной болезни скончался английский король Георг V. Новым королем стал наследник престола принц Уэльский, принявший имя Эдуарда VIII. Известно, что в Англии король царствует, но не управляет. Эдуарду VIII не совсем нравился этот порядок. Он полагал, что король должен играть более активную роль, и стал проводить это в жизнь, еще будучи наследником престола. Принц Уэльский посещал шахтерские районы, интересовался социальными вопросами и выступал с заявлениями, которые должны были продемонстрировать его сочувствие к простым людям, ведущим тяжелую трудовую жизнь, и готовность что-то сделать для улучшения их положения. Это было нарушением традиций, но правящие круги использовали выступления будущего короля для того, чтобы разрекламировать его перед народом как демократического монарха, укрепить монархические чувства в английском народе и поднять престиж монархии. Когда же, став королем, Эдуард VIII не угомонился, это вызвало раздражение и недовольство в правительстве. Министры не желали обсуждать государственные дела с королем. Они хотели в соответствии с существовавшей традицией лишь давать советы королю с тем, чтобы он неукоснительно следовал им.

Эдуард VIII был холостяком. В 41 год он решил жениться на американке Уэллис Симпсон, которая, по общему признанию, была веселой, остроумной и привлекательной женщиной. Английские аристократы давно уже усвоили правило жениться на богатых американках и поправлять тем самым свое пошатнувшееся финансовое положение. Однако на этот раз речь шла о короле, и это меняло дело. Интерес Эдуарда VIII к Симпсон объяснялся не материальными соображениями, а чувствами. Английские короли — очень богатые люди и умело приумножают свое состояние. Симпсон, что крайне ухудшало положение, не только не принадлежала к числу нетитулованной американской знати, но даже не была дочерью какого-нибудь миллионера. И, что было уж совсем плохо, она до встречи с английским королем успела два раза побывать замужем. Первый муж, с которым она развелась, был еще жив, а развод со вторым находился в стадии оформления. Нежные отношения между Эдуардом VIII и Уэллис существовали на протяжении длительного времени. О них многие знали, но никакой отрицательной для короля реакции это обстоятельство не вызывало. Ситуация изменилась, когда Эдуард VIII заявил, что намерен жениться на Уэллис, как только она оформит развод. Это означало, что Уэллис Симпсон станет королевой Англии. Эдуард VIII не учитывал, что его действия неизбежно подорвут авторитет монархии в глазах народа. Поскольку монархия в Англии теснейшим образом связана с церковью, то поведение короля должно было вызвать возмущения и со стороны князей церкви. На протяжении 1936 г. король и Уэллис открыто и весьма часто появлялись вместе. Английская печать хранила молчание на этот счет. В Англии не принято сообщать в газетах ничего такого, что могло бы бросить тень на монархию. Но американская пресса, падкая на сенсацию, расписывала личные дела английского короля самыми яркими красками. 27 октября Уэллис получила решение суда о разводе с мужем. Таким образом, путь ее брака с Эдуардом VIII был открыт. Убедившись, что король действительно намерен жениться на Уэллис, Болдуин решил призвать его к порядку. Он поставил монарха перед выбором: или отказ от брака с Симпсон, или отречение от престола. Король жил в одной из своих загородных резиденций — в замке Виндзор. Болдуин неоднократно приезжал к нему и убеждал отказаться от намерения жениться на Уэллис. К концу длительных бесед премьер-министр как будто бы достиг своей цели, и Эдуард VIII склонялся к тому, чтобы уступить. Но как только Болдуин уезжал, король садился в машину и направлялся в Лондон, где встречался с Уэллис. В Виндзор он возвращался с твердым убеждением жениться на американке. Вскоре кризис вырвался наружу. Епископ Бредфорда доктор Блант публично выступил с осуждением поведения короля. Болдуину пришлось кратко изложить суть проблемы

в парламенте. Ажиотаж вокруг этого пикантного дела нарастал. Э. Хьюз пишет, что «никогда ранее ни один английский король не предполагал жениться на дважды разведенной американке. Короли имели любовниц и незаконнорожденных детей, но в этом не было ничего незаконного или конституционно неверного. И действительно, если бы король Эдуард просто решил сделать Симпсон своей любовницей, не женись на ней, то, вероятно, ни премьер-министр, ни архиепископ Кентерберийский не осмелились бы упомянуть об этом деле публично. И существовало бы всеобщее молчаливое согласие помалкивать об этом скандале».

В конфликте между Болдуином и королем Черчилль решил стать на сторону монарха, объединить вокруг себя людей, сочувствующих Эдуарду VIII в его затруднительном положении, а также людей, враждебно настроенных к Болдуину, и попытаться свергнуть премьер-министра. Королю стало известно, что Черчилль готов выступить в его поддержку, и он заявил Болдуину, что хотел бы получить совет от Уинстона. Говорят, что премьер-министр не возражал против встречи короля с Черчиллем. Однако несомненно, что вторжение Черчилля в конфликт лишь усилило решимость Болдуина и других членов правительства довести дело до решительной победы над королем, а заодно и над Черчиллем. В своих публичных выступлениях в поддержку короля Черчилль требовал, чтобы правительство не торопилось в решении этого вопроса, чтобы на короля не оказывалось нажима и чтобы парламент получил возможность должным образом заняться этим вопросом. Черчилль оттягивал время, пытаясь заручиться поддержкой со стороны тех, кого он мог привлечь на свою сторону, и мобилизовать против Болдуина общественное мнение. Он запугивал правящие круги тем, что если короля заставят отречься от престола при таких обстоятельствах, то это «причинит безграничный ущерб конституционному положению монархии, весьма опасный для самого монархического принципа, независимо от того, кто будет занимать королевский трон». Совершенно очевидно, говорил он, что необходимо время для того, чтобы обсудить конституционную проблему. Черчилль бил на чувства широкой аудитории, подчеркивая личный, человеческий аспект проблемы. У Черчилля были влиятельные соратники. Это прежде всего газетные короли Ротермир и Бивербрук, использовавшие свои газеты для агитации за то, чтобы королю было разрешено сочетаться морганатическим браком. Поговаривали даже о создании некоей королевской партии. Утверждали, что примерно 60 членов парламента были готовы поддержать правительство, которое мог бы сформировать король вместо правительства Болдуина. Болдуин понимал, что надо спешить, и усилил нажим на короля. Вмешательство Черчилля в конфликт было авантюрой с его стороны, и вскоре он в этом убедился. 7 декабря премьер-министр заявил в парламенте в весьма осторожных выражениях, что король собирается с мыслями и готовится принять определенные решения. Черчилль немедленно поднялся и начал повторять свое требование, чтобы не предпринимались непоправимые шаги до тех пор, пока не будет сделано официальное заявление правительством парламента по этому вопросу. Попытка перенести спор на обсуждение парламента провалилась. Выступление Черчилля было встречено криками «Нет!» и «Садись!». Черчилль не ожидал такого единодушного отпора со стороны палаты общин. Против него выступили не только консерваторы, но также либералы и лейбористы. Лейбористская партия, депутаты которой составляли официальную оппозицию в парламенте, не поддержала короля. Английские лейбористы бережно относятся к монархии и поведение Эдуарда VIII считали предосудительным. Биограф известного лейбористского деятеля Эньюрина Бивена Майкл Фут рассказывает, что король консультировался с Бивеном о позиции лейбористов в его споре с Болдуином. Посредником выступил лорд Бивербрук, и встреча короля с Бивеном состоялась в лондонском доме Бивербрука. Адьютант короля провел Бивена наверх, в одну из огромных комнат. Там он увидел «одинокую фигуру, прохаживавшуюся из угла в угол под ярко горевшими канделябрами. Это был Уинстон Черчилль, по щекам которого струились слезы, смешиваясь с виски, стакан с которым он держал в руке». Черчилль, человек большой воли, силы духа и упорства, в то же время имел весьма чувствительную натуру. О чем он плакал тогда? Он был убежденным монархистом и, вероятно, искренне огорчился тем, что на короля оказывалось давление. Была у Черчилля и другая причина для слез. Он понял, что его любовная атака на Болдуина провалилась и что он потерпел сокрушительное и позорное поражение, которое делало его перспективы возврата к активной государственной деятельности почти безнадежными. Тэйлор пишет, что «Черчилль совершил все возможные ошибки во время этого кризиса. Он не смог правильно оценить настроение общественного мнения или ловкость тех, кто им манипулировал. Он просчитался, полагаясь на решимость короля. Его криками заставили сесть в палате общин. Он хватался за любые средства, чтобы опрокинуть Болдуина и его состоящее из слабых людей правительство. Вместо этого двери к власти, казалось, закрылись перед Черчиллем навсегда». В декабре 1936 г. Эдуард VIII отрекся от престола в пользу своего младшего брата, Георга.



К концу 30-х годов Черчилль смог восстановить свой авторитет в глазах общественного мнения. Произошло это потому, что он в отличие от руководителей консервативной партии занял рациональную позицию в связи с германской угрозой интересам

Англии. Несмотря на всю свою неудержимую ненависть к социализму и, следовательно, к Советскому Союзу, Черчилль отдавал себе отчет в том, что для интересов Англии, как он их понимал, важнее было не то, что гитлеровская Германия могла вести борьбу против Советского Союза, а то, что она являлась опаснейшим врагом Англии. Постепенно в уме Черчилля последнее обстоятельство перевесило первое, и он оказался на несколько голов выше других английских политиков своего времени. Черчилль понял и то, что, выступая глашатаем борьбы против Германии, он может восстановить свою политическую репутацию и вновь прийти к власти. Чем больше нарастала германская угроза, тем определеннее двигался по этому пути Черчилль. «Весьма вероятно,— замечает Э. Хьюз,— что политические амбиции были самым важным фактором, приведшим к тому, что Черчилль превратился в одного из настойчивых противников Гитлера и предпринял попытку поднять Англию против нацизма».

Черчилль довольно рано осознал опасность со стороны Германии для Англии. Однако это не означало, что он уже тогда занял безоговорочно враждебную позицию в отношении фюрера германских фашистов, несмотря на то, что именно Гитлер возглавил движение за реванш, за подготовку новой войны против тех держав, которые нанесли поражение Германии в первой мировой войне, включая и Англию. Черчилль питал к Гитлеру определенные симпатии. Он выше всего ценил политический успех и восхищался тем, что безвестный ефрейтор германской армии поднялся до роли главы государства. В Гитлере Черчиллю импонировало и то, что фюрер выступал в качестве злейшего врага Советского Союза и революционного движения. В мире, обьятом пламенем революционного пожара, Черчилль и Гитлер были на одной стороне баррикад. У них не было различий в классовом подходе к оценке событий. Это обстоятельство впоследствии многое объясняло в действиях Черчилля, когда он, будучи премьер-министром Англии, возглавил борьбу английского народа против нацистской Германии. Черчилль никогда не встречался с Гитлером. В этом смысле ему повезло. Он рассказывает, как в 1932 г., во время путешествия по местам сражений, в которых действовал его славный предок герцог Мальборо, он, Черчилль, оказался в Мюнхене. Там попытались организовать его встречу с Гитлером, но свидание не состоялось. Затем немецкий посол в Англии Риббентроп дважды пригласил Черчилля посетить Германию и встретиться с Гитлером. У Черчилля хватило осторожности и предусмотрительности, чтобы уклониться от этих приглашений. Впоследствии Черчилль справедливо замечал, что «англичане, посетившие в эти годы германского фюрера, оказались затем в неудобном положении или были скомпрометированы». В 30-е годы, как и ранее, когда Черчилль находился не у дел, он писал не только большие книги, но и регулярно снабжал прессу своими статьями и очерками. Он создал ряд политических портретов, которые после опубликования в прессе были затем изданы отдельной книгой под названием «Великие современники». Вошедший в эту книгу литературный портрет Гитлера позволяет составить впечатление о том, как Черчилль в 1935 г. относился к нацистскому фюреру. Черчилль восхищался тем, чего достиг Гитлер к 1935 г., «преуспев в восстановлении Германии в качестве самой мощной державы Европы. Он не только восстановил положение своей страны, но даже в очень большой степени изменил результаты первой мировой войны... Побежденные сейчас находятся в стадии превращения в победителей, а победители — в побежденных... Что бы ни подумали об этих усилиях, они, безусловно, находятся в ряду наиболее выдающихся достижений истории человечества». Черчилль с симпатией пишет о том, с какой энергией и настойчивостью Гитлер вел борьбу за власть в Германии. Гитлер и другие нацисты, по его мнению, обнаружили в этой борьбе «патриотическое рвение и любовь к своей стране». Двумя годами позднее, в 1937 г., когда зверский облик германского фашизма и его фюрера уже был вполне очевиден, Черчилль писал о Гитлере следующее: «Некоторым может не нравиться система Гитлера, но они тем не менее все же восхищаются его патриотическими достижениями». И затем Черчилль делает заявление, которое, пожалуй, раскрывает главную причину его благожелательного в то время отношения к Гитлеру. «Если бы моя страна потерпела поражение,— пишет Черчилль,— мы должны были бы найти такого же великодушного лидера, который восстановил бы нашу отвагу и вывел бы нас обратно на наше место среди народов». Эти слова были написаны после того, как весь мир уже узнал, каковы основные черты нацистского режима в Германии, когда уже стало широко известно о созданных там концентрационных лагерях для прогрессивно мыслящих людей, о страшной антисемитской политике германских нацистов, когда Гитлер уже провел летом 1934 г. кровавую чистку рядов национал-социалистической партии, когда он отверг Версальский мирный договор и широко развернул перевооружение Германии, когда нацистами уже были осуществлены ремиляризация Рейнской области и многие другие аналогичные меры. Прав Э. Хьюз, утверждая, что «существуют весьма небольшие основания для того, чтобы полагать, что Черчилль когда-либо серьезно беспокоился по поводу идеологических концепций Гитлера или его антидемократической политики... Его антагонизм в отношении Гитлера был порожден страхом, что Германия при нацистах может стать слишком мощной и бросить вызов английской гегемонии в Западной Европе. Этот антагонизм объяснялся убеждением Черчилля, что, поднимая Англию против Гитлера, он сможет опять завоевать какой-либо правительственный пост». Черчилль разделяли с Гитлером те противоречия, которые лежали в основе борьбы между английским империализмом и германским милитаризмом. Гитлер требовал ликвидации Версальского мирного договора. Черчилль воспринимал это как требование

отказаться от того, что было завоевано Англией и ее союзниками в первую мировую войну. Э. Хьюз пишет, что Черчилль, «не колеблясь, безоговорочно одобрил фашистское движение в Италии. Но когда фашизм распространился на Германию и принял форму воинствующего возрождения германского национализма, целью которого было покончить с Версальским договором и изменить результаты военных поражений первой мировой войны, это было уже другое дело. Если бы Гитлер ограничился только пропагандой священной войны против России, Черчилль не поссорился бы с ним. Ибо он был таким же злым врагом большевиков, как Гитлер или Геббельс или любой другой из школы торговцев антирусской ненавистью и пропагандистов ее, которые эксплуатировали красное пугало в своей политической борьбе. Уинстон с самого начала, задолго до того, как русские или другие народы Европы услышали что-либо о Геббельсе, был пионером и выдающимся мастером этой пропаганды».

По мере того, как Германия усиливалась и возростала угроза с ее стороны для Англии, Черчилль все чаще размышлял о том, что в коалицию государств, которые должны были быть противопоставлены Германии, следует включить Советский Союз. Однако до мюнхенской сделки, то есть до осени 1938 г., Черчилль не выступал с этой идеей сколько-нибудь активно. В 1938 г., по мере усиления военной опасности, формулу Черчилля «Мы должны привлечь Россию» стали разделять и другие деятели консервативной партии. Однако все же в группу его единомышленников входили единицы, к тому же это были деятели среднего калибра: лорд Сесиль, лорд Ллойд, сэр Эдвард Григ, сэр Роберт Хорн, Будби, Бракен, Лоу. Естественно, что с такими скромными силами трудно было добиться изменения линии Чемберлена. Поэтому, как замечает Черчилль, вместо того, чтобы договориться с Советским Союзом о единстве действий, в Англии «советские предложения фактически игнорировались. Эти предложения не были использованы для давления на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом, так, будто бы Советской России вообще не существовало. Впоследствии мы дорого заплатились за это». Черчилль и его многочисленные сторонники осудили Мюнхен, но они не использовали открывшиеся в связи с мюнхенским соглашением возможности для борьбы против правительства Чемберлена с целью изменения его состава и политики. Черчилль становился все более и более осторожным и старался не раздражать руководство консервативной партии. Он знал, что без согласия людей, руководивших партией, ему не получить министерского портфеля. Вторая мировая война приближалась. Было ясно, что, когда она разразится, в состав английского правительства рано или поздно включат энергичных людей, способных руководить ведением войны против Германии. Развитие событий с каждым днем повышало шансы Черчилля на приход к власти. Чемберлен в то время записывал в своем дневнике: «Шансы Черчилля на включение в состав правительства увеличиваются по мере того, как война становится более вероятной, и наоборот». Весной и летом 1939 г. Чемберлен, несмотря на провалы своей политики, все еще надеялся, что войны между Англией и Германией не будет, что ему удастся договориться с Гитлером. А раз так, то Черчилль в правительстве был ему не только не нужен, но и вреден, ибо включение Черчилля в состав правительства рассматривалось бы Гитлером как недружелюбный в отношении его, фюрера, акт. В марте 1939 г. Черчилль пришел к выводу, что может попасть в состав кабинета, если действующее правительство, официально именовавшее себя национальным, будет расширено за счет включения ряда дополнительных фигур. Вместе с Иденом и тридцатью другими консерваторами Черчилль поставил вопрос о создании расширенного национального правительства. Но у Чемберлена были другие планы, и очередной рывок Черчилля к власти не достиг цели. Как замечает Э. Хьюз, «консерваторы были вполне готовы позволить ему продолжать играть роль рычащего английского бульдога, но они считали, что место такого бульдога не в столовой, а в конуре, на дворе».

Политика Чемберлена все больше и больше лишалась поддержки в английском общественном мнении. Одновременно происходил и другой процесс. Английский народ все лучше понимал, что предотвратить новую войну нельзя без союза с СССР. Эти настроения пробивали себе дорогу и в правящие круги страны. «Поскольку мы сами поставили себя в это ужасное положение 1939 г., — пишет Черчилль, — было жизненно важно опереться на более широкую надежду». Такой надеждой являлся Советский Союз. По инициативе Советского правительства начались переговоры о соглашении между СССР, Англией и Францией с целью обуздания фашистской агрессии. Под давлением общественного мнения Чемберлен был вынужден пойти на эти переговоры, но вел их таким образом, что они не могли не закончиться провалом. Черчилль же выступает как энергичный поборник достижения договоренности с Советским Союзом. 4 мая 1939 г. он заявляет: «Нет никакой возможности удержать восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Самое главное — нельзя терять времени. Прошло уже 10 или 12 дней с тех пор, как было сделано русское предложение». Чемберлен сознательно затягивал переговоры. Ему нужно было время для того, чтобы договориться с Германией. Вопрос о переговорах с СССР поднимался в английском парламенте. Черчилль, а вместе с ним Иден и Ллойд Джордж выступали за немедленное заключение союза с СССР. В ходе дебатов Черчилль говорил: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским советским правительством? ...Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жерт-

вы агрессии. Я не вижу, что в этом предосудительного... Почему,— спрашивал Черчилль,— вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну?.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней в самом горниле событий и вам придется выпутываться вместе с ней по мере возможности». В стремлении добиться союза с СССР Черчилль пошел настолько для него далеко, что требовал уважительного отношения к Советскому Союзу. «Ясно,— говорил он,— что Россия не пойдет на заключение соглашения, если к ней не будут относиться как к равной и, кроме того, если она не будет уверена, что методы, используемые союзниками — фронтом мира,— могут привести к успеху. ...Я согласен с Ллойд Джорджем, что если нужен надежный восточный фронт, будь то фронт мира или фронт войны, он может быть создан только при действительной поддержке дружественной России». «Вопрос о восточном фронте,— продолжал Черчилль,— имеет гигантское значение. Я удивлен тем, что он не вызывает большого беспокойства. Я, конечно, не прошу милостей у Советской России. Сейчас не время просить милостей у других стран. Однако перед нами предложение справедливое и, по-моему, более выгодное, чем те условия, которых хочет добиться наше правительство. Это предложение проще, прямее и более действенно. Нельзя допускать, чтобы его отложили в сторону, чтобы оно ни к чему не привело. Я прошу правительство его величества усвоить некоторые из этих неприятных истин. Без действительного восточного фронта невозможно удовлетворительно защитить наши интересы на Западе, а без России невозможен действенный восточный фронт. Если правительство его величества, пренебрегавшее так долго нашей обороной, отрекшись от Чехословакии со всей ее военной мощью, обязавши нас, не ознакомившись с технической стороной вопроса, защитить Польшу и Румынию, отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно не оправдает доверия... его соотечественников». Эти выступления Черчилля свидетельствуют о том, что в острые исторические моменты он, несмотря на свои антисоветские предубеждения, был в состоянии подниматься до весьма разумных и ответственных суждений. В этом сказывались качества Черчилля как крупного государственного деятеля. Если бы английское правительство прислушалось к его голосу, Германия не имела бы возможности развязать в сентябре 1939 г. мировую войну. Но правительство Чемберлена действовало иначе. Вместе с французами оно сорвало переговоры с СССР о создании фронта мира и вынудило Советское правительство подписать пакт о ненападении с Германией. Черчилль признал разумность и справедливость действий Советского правительства в те роковые дни. «Если его политика,— пишет Черчилль,— и была холодно-рассчетливой, то она была в тот момент также в высокой степени реалистичной». Одновременно Черчилль пишет о том, что международные события августа 1939 г. «знаменовали всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет».

В августе 1939 г. Черчилль вместе с женой провел некоторое время во Франции. Усилившаяся напряженность международной обстановки настолько нервировала его, что не помогала даже живопись. 26 августа Черчилль возвращается в Англию, чтобы выяснить, что же все-таки происходит. Проездом в Париже он встречается с французским генералом Жоржем. Генерал сообщил ему данные о состоянии французской и германской армий. Цифры произвели на Черчилля сильное впечатление. Он заявил Жоржу: «Да вы же хозяева положения». Это действительно было так, если при оценке положения исходить из физических сил, которыми располагали Англия, Франция и Германия. Черчилль приехал в Англию, будучи твердо убежденным в том, что его планы возвращения к власти близки к реализации. Англия была наводнена германскими агентами, и, поскольку Гитлер считал Черчилля своим врагом, Черчилль опасался, как бы кто-либо из этих агентов не совершил на него покушения. На всякий случай он принял меры предосторожности. Инспектор Скотланд-ярда Томпсон, охранявший в свое время Черчилля, находился в то время в отставке. Черчилль пригласил Томпсона приехать к нему и захватить с собой пистолет. Одновременно он привел в порядок и свое оружие. Пока Черчилль спал, Томпсон бодрствовал. Черчилль следующим образом объясняет эти меры предосторожности: «В те часы я знал, что если вспыхнет война,— а кто мог в этом сомневаться? — на меня падет тяжелое бремя». 1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. Объективный ход событий наконец открыл перед Черчиллем путь к власти.

(Окончание следует)